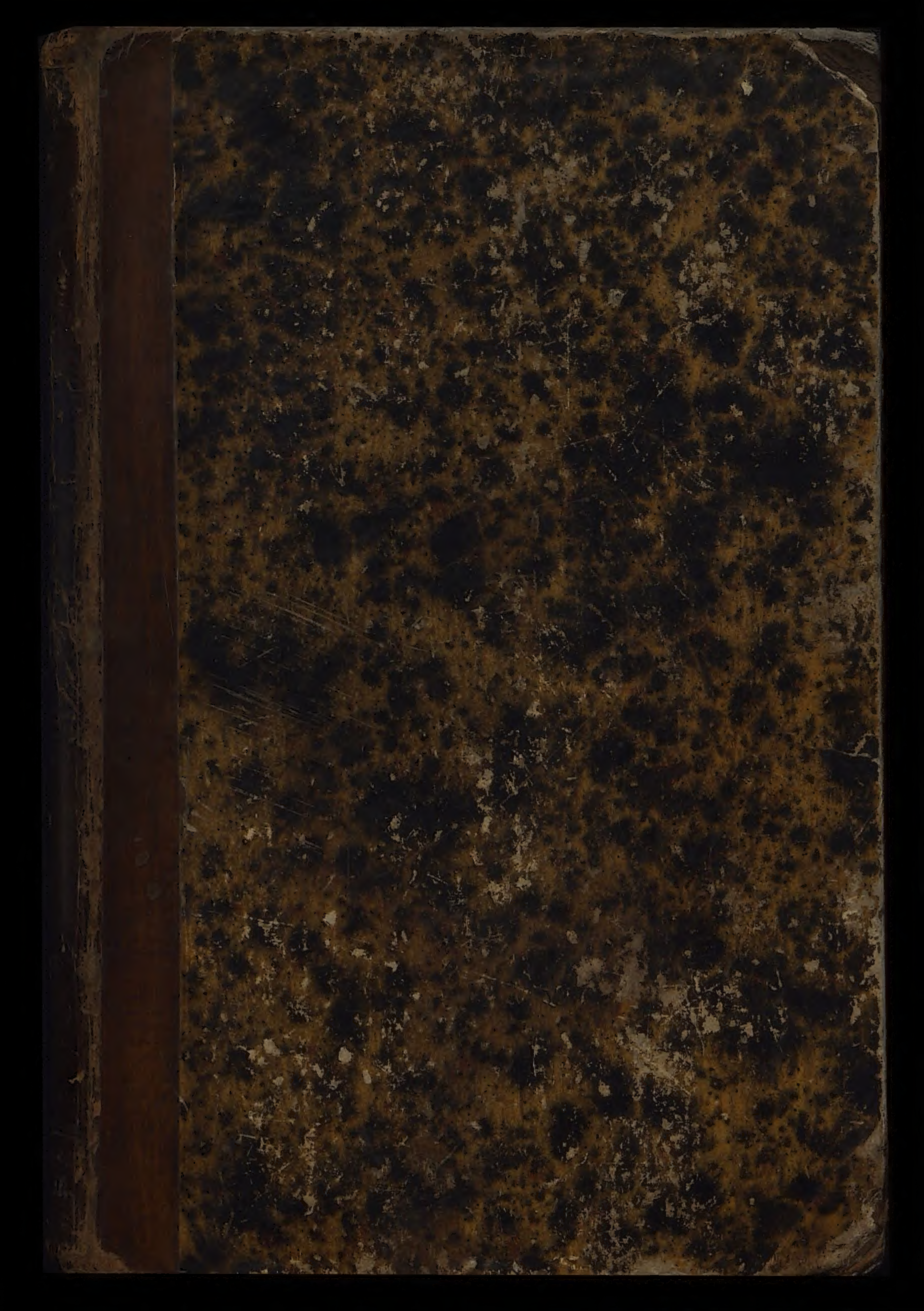
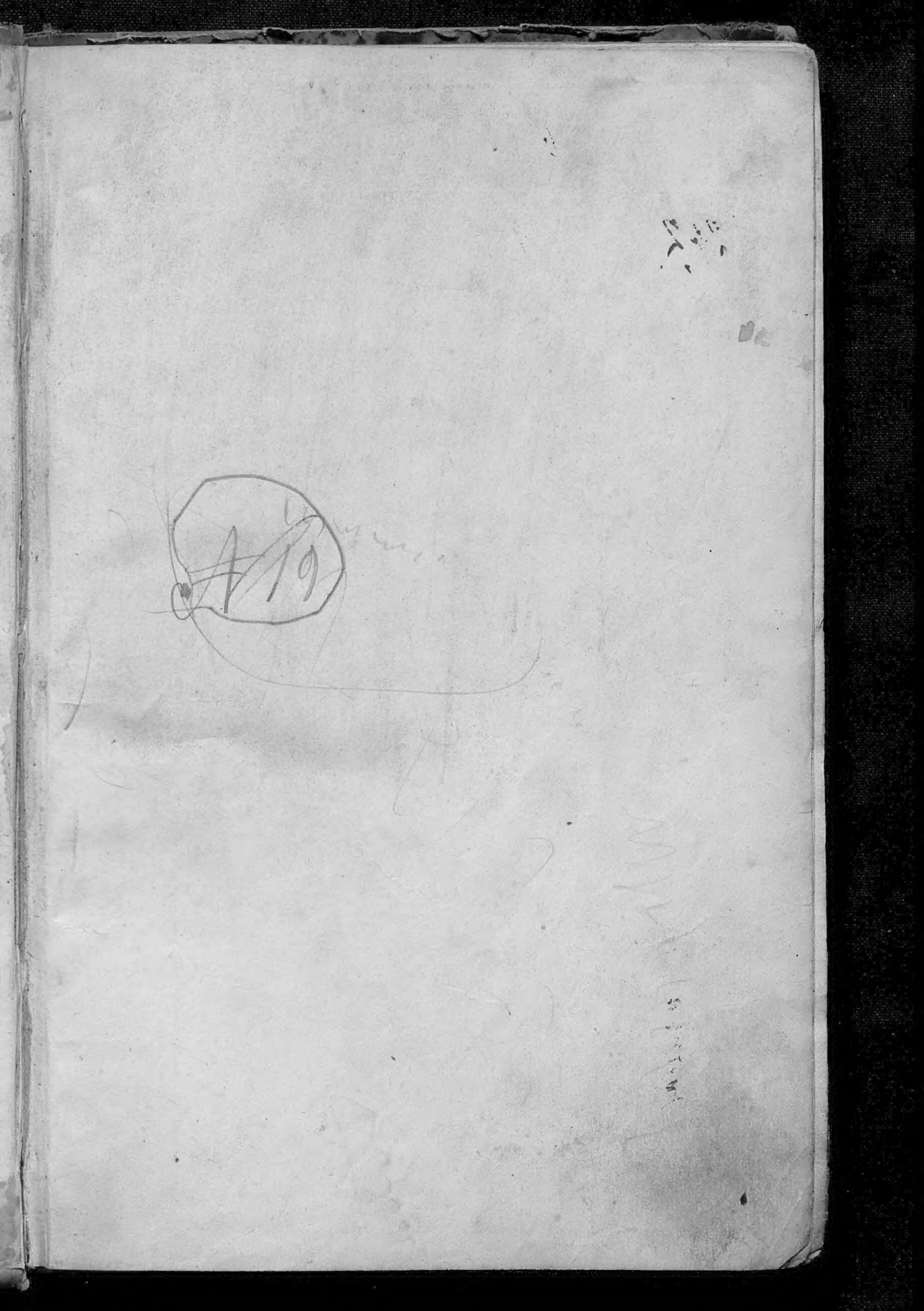

916.

262, праштинутка.

ПКМ
инв. № 12822/21

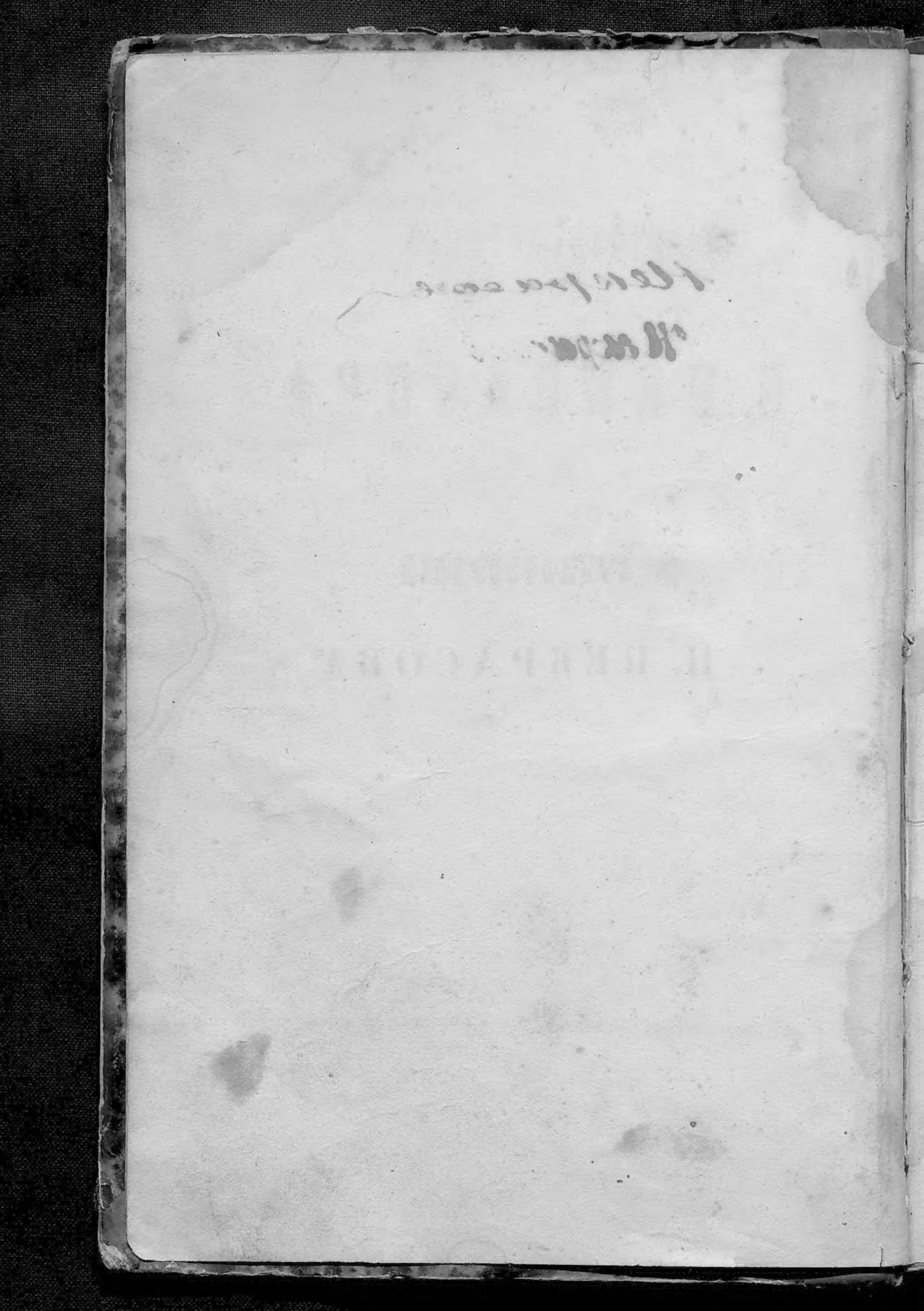

N 19

Некрасовъ

Некрасов

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

СТИХОТВОРЕНІЯ

Н. НЕКРАСОВА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе книгопродавца С. В. Звонарева
1869

Съ изданія 1864 года съ нѣкоторыми дополненіями.

Въ типографіи Эдуарда Праца, въ Офицерской улицѣ, въ домѣ № 26.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАЗМЫШЛЕНІЯ У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА

РАЗМЫШЛЕНІЯ У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА

(Писано въ 1858 году)

—

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ;
Записавъ свое имя и званье,
Разъѣзжаются гости домой,
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумаешь — въ томъ ихъ призванье!
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:
Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ нему то-и-знай по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачутъ.

Возвращаясь, иной напѣваетъ «трамъ-трамъ»,
А иные просители плачутъ.
Разъ, я видѣлъ, сюда мужики подошли,
Деревенскіе русскіе люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди;
Показался швейцаръ. — «Допусти», говорятъ
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: некрасивы на взглядъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльные лапти обутыхъ
(Знать брели-то долгонько они
Изъ какихъ нибудь дальнихъ губерній.)
Кто-то крикнулъ швейцару: «гони!
«Нашъ не любитъ оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постоявъ,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ,
И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!
Разводя безнадежно руками,

И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...

А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ...
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслажденіе:
Вороти ихъ! въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...

Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ,
И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ.

Что тебѣ эта скорбь вопіющая,
Что тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою
Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою,

И со славой умрешь!
Безмятежнѣй аркадской идилліи
Закатятся преклонные дни:
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни,
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны, — какъ дитя
Ты уснешь, окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ);
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты въ могилу... герой,
Въ тихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!...

Впрочемъ, что жь мы такую особу
Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ ли намъ выместить злобу? —
Безопаснѣй... Еще веселѣй
Въ чемъ нибудь пріискать утѣшенье...

Не бѣда, что потерпитъ мужикъ:
Такъ ведущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой
Все пропьютъ бѣдняки до рубля
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ... Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется —
То бурлаки идутъ бичевой!...

Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля —
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ, сердечной!
Что же значитъ твой стонъ безконечной?
Ты проснешься, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ, —
Создалъ пѣсню подобную стону
И духовно на вѣки почилъ?...

МОРОЗЪ, КРАСНЫЙ НОСЪ

ПОСВЯЩАЮ

МОЕЙ СЕСТРѢ

АННѢ АЛЕКСѢЕВНѢ

МОРОЗЪ, КРАСНЫЙ НОСЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

I

Савраска увязъ въ половинѣ сугроба —
Двѣ пары промерзлыхъ лаптей
Да уголъ рогожей покрытаго гроба
Торчатъ изъ убогихъ дровней.

Старуха въ большихъ рукавицахъ
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на рѣсницахъ,
Съ морозу — должно полагать.

II

Привычная дума поэта
Впередъ забѣжать ей спѣшитъ:
Какъ саваномъ снѣгомъ одѣта,
Избушка въ деревнѣ стоитъ.

Въ избушкѣ — теленокъ въ подклѣти,
Мертвецъ на скамьѣ у окна;
Шумятъ его глупыя дѣти,
Тихонько рыдаетъ жена.

Сшивая проворной иголкой
На саванъ куски полотна,
Какъ дождь зарядившій на-долго,
Не громко рыдаетъ она.

III

Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,

И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли.

Вѣка протекали — все къ счастью стремилось,
Все въ мірѣ по нѣскольку разъ измѣнилось,
Одну только Богъ измѣнить забывалъ
Суровую долю крестьянки.
И всѣ мы согласны, что типъ измельчалъ
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свѣту кровавой борьбы
И жалобъ своихъ не ввѣряла, —

Но мнѣ ты ихъ скажешь, мой другъ!
Ты съ дѣтства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испугъ,
Ты вся — вѣковая истома!
Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобою не лилъ!

IV

Однако же, рѣчь о крестьянкѣ
Затѣяли мы, чтобъ сказать,
Что типъ величавой славянки
Возможно и нынѣ сыскать.

Есть женщины въ русскихъ селеньяхъ
Съ спокойною важностью лицъ,
Съ красивою силой въ движеньяхъ,
Съ походкой, со взглядомъ царицъ, —

Ихъ развѣ слѣпой не замѣтитъ,
А зрячій о нихъ говоритъ:
«Пройдетъ — словно солнце освѣтитъ!
«Посмотритъ — рублемъ подаритъ!»

Идутъ они той же дорогой,
Какой весь народъ нашъ идетъ,
Но грязь обстановки убогой
Къ нимъ словно не липнетъ. Цвѣтетъ

Красавица, міру на диво,
Румяна, стройна, высока,

Во всякой одеждѣ красива,
Ко всякой работѣ ловка.

И голодъ, и холодъ выноситъ,
Всегда терпѣлива, ровна...
Я видывалъ, какъ она коситъ:
Что взмахъ — то готова копна!

Платокъ у ней на ухо сбился,
Того-гляди косы падутъ.
Какой-то парнекъ изловчился
И къ верху подбросилъ ихъ, шутъ!

Тяжелыя русыя косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мѣшаютъ крестьянкѣ взглянуть.

Она отвела ихъ руками,
На парня сердито глядитъ.
Лицо величаво, какъ въ рамѣ,
Смущеньемъ и гнѣвомъ горитъ...

По буднямъ не любитъ бездѣлья.
За то вамъ ее не узнать

Какъ сгонитъ улыбка веселья
Съ лица трудовую печать.

Такого сердечнаго смѣха
И пѣсни и пляски такой
За деньги не купишь. — «Утѣха»!
Твердятъ мужики межъ собой.

Въ игрѣ ее конный не словитъ,
Въ бѣдѣ — не сробѣетъ, — спасетъ:
Коня на скаку остановитъ,
Въ горящую избу войдетъ!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяныя губы
Хранятъ ихъ красу отъ людей —

Она улыбается рѣдко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не рѣшится сосѣдка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалокъ ей нищій убогой —
Вольно жь безъ работы гулять!

Лежитъ на ней дѣльности строгой
И внутренней силы печать.

Въ ней ясно и крѣпко сознанье,
Что все ихъ спасенье въ трудѣ,
И трудъ ей несетъ воздаянье:
Семейство не бьется въ нуждѣ,

Всегда у нихъ теплая хата,
Хлѣбъ выпеченъ, вкусенъ квасокъ,
Здоровы и сыты ребята,
На праздникъ есть лишній кусокъ.

Идетъ эта баба къ обѣдни
Предъ всею семьей впереди:
Сидитъ какъ на стулѣ двулѣтній
Ребенокъ у ней на груди,

Рядкомъ шестилѣтняго сына
Нарядная матка ведетъ...
И по̀ сердцу эта картина
Всѣмъ любящимъ русскій народъ!

V

И ты красотою дивила,
Была и ловка и сильна,
Но горе тебя изсушило,
Уснувшаго Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крѣпишься, но холстъ гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадаетъ
На быстрыя руки твои.
Такъ колосъ беззвучно роняетъ
Созрѣвшія зерна свои...

VI

Въ селѣ, за четыре версты,
У церкви, гдѣ вѣтеръ шатаетъ
Подбитые бурей кресты,
Мѣстечко старикъ выбираетъ;

Усталъ онъ, работа трудна,
Тутъ тоже сноровка нужна —

Чтобъ крестъ было видно съ дороги,
Чтобъ солнце играло кругомъ.
Въ снѣгу до колѣнъ его ноги,
Въ рукахъ его заступъ и ломъ,

Вся въ инеѣ шапка большая,
Усы, борода въ серебрѣ.
Недвижно стоитъ, размышляя,
Старикъ на высокомъ бугрѣ.

Рѣшился. Крестомъ обозначилъ,
Гдѣ будетъ могилу копать,
Крестомъ осѣнился и началъ
Лопатою снѣгъ разгребать.

Иные пріемы тутъ были,
Кладбище не то, что̀ поля:
Изъ снѣгу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнувъ свою старую спину,
Онъ долго, прилежно копалъ,

И желтую мерзлую глину
Тотчасъ же снѣжокъ застилалъ.

Ворона къ нему подлетѣла,
Потыкала носомъ, прошлась:
Земля какъ желѣзо звенѣла —
Ворона ни съ чѣмъ убралась...

Могила на славу готова, —
«Не мнѣ бъ эту яму копать!»
(У стараго вырвалось слово):
«Не Проклу бы въ ней почивать,

«Не Проклу!...» Старикъ оступился,
Изъ рукъ его выскользнулъ ломъ
И въ бѣлую яму скатился,
Старикъ его вынулъ съ трудомъ.

Пошелъ... по дорогѣ шагаетъ...
Нѣтъ солнца, луна не взошла...
Какъ будто весь міръ умираетъ:
Затишье, снѣжокъ, полу-мгла...

VII

Въ оврагѣ, у рѣчки Желтухи,
Старикъ свою бабу нагналъ
И тихо спросилъ у старухи:
«Хорошъ ли гробокъ-то попалъ?»

Уста ея чуть прошептали
Въ отвѣтъ старику: «ничего.»
Потомъ они оба молчали
И дровни такъ тихо бѣжали,
Какъ будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькаетъ огонь.
Старуха крестомъ осѣнилась,
Шарахнулся въ сторону конь —

Безъ шапки, съ ногами босыми,
Съ большимъ заостреннымъ коломъ,
Внезапно предсталъ передъ ними
Старинный знакомецъ Пахомъ.

Прикрыты рубахою женской
Звенѣли вериги на немъ;
Постукалъ дуракъ деревенской
Въ морозную землю коломъ,

Потомъ помычалъ сердобольно,
Вздохнулъ и сказалъ: «не бѣда!
«На васъ онъ работалъ довольно
«И ваша пришла череда!

«Мать сыну-то гробъ покупала,
«Отецъ ему яму копалъ,
«Жена ему саванъ сшивала —
«Всѣмъ разомъ работу вамъ далъ!»...

Опять помычалъ — и безъ цѣли
Въ пространство дуракъ побѣжалъ.
Вериги уныло звенѣли
И голыя икры блестѣли
И посохъ по снѣгу черкалъ.

VIII

У дома оставили крышу,
Къ сосѣдкѣ свели почевать
Зазябнувшихъ Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дѣло велось:
Не сказано лишняго слова,
Наружу не выдано слезъ.

Уснулъ, потрудившійся въ потѣ!
Уснулъ, поработавъ землѣ!
Лежитъ, непричастный заботѣ,
На бѣломъ сосновомъ столѣ,

Лежитъ неподвижный, суровой,
Съ горящей свѣчей въ головахъ,
Въ широкой рубахѣ холщевой
И въ липовыхъ новыхъ лаптяхъ.

Большія, съ мозолями руки,
Подъявшія много труда,

Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рукъ борода...

IX

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словомъ тоски
И только глядѣть избѣгали
Другъ другу въ глаза бѣдняки,

Но вотъ уже кончено дѣло,
Нѣтъ нужды бороться съ тоской,
И что̀ на душѣ накипѣло,
Изъ устъ полилося рѣкой.

Не вѣтеръ гудитъ по ковыли,
Не свадебный поѣздъ гремитъ, —
Родные по Проклѣ завыли,
По Проклѣ семья голоситъ:

«Голубчикъ ты нашъ сизокрылой!
«Куда ты отъ насъ улетѣлъ?
«Пригожествомъ, ростомъ и силой
«Ты ровни въ селѣ не имѣлъ,

«Родителямъ былъ ты совѣтникъ,
«Работничекъ въ полѣ ты былъ,
«Гостямъ хлѣбосолъ и привѣтникъ,
«Жену и дѣтей ты любилъ...

«Чтожь мало гулялъ ты по свѣту?
«За что насъ покинулъ, родной?
«Одумалъ ты думушку эту,
«Одумалъ съ сырою землей —

«Одумалъ — а намъ оставаться
«Велѣлъ во мiру, сиротамъ,
«Не свѣжей водой умываться,
«Слезами горючими намъ!

«Старуха помретъ со кручины,
«Не жить и отцу твоему,
«Береза въ лѣсу безъ вершины —
«Хозяйка безъ мужа въ дому.

«Ее не жалѣешь ты, бѣдной,
«Дѣтей не жалѣешь... Вставай!
«Съ полоски своей заповѣдной
«По лѣту сберешь урожай!

«Сплесни, ненаглядный, руками,
«Сокольимъ глазкомъ посмотри,
«Тряхни шелковыми кудрями,
«Сахарны уста раствори!

«На радости мы бы сварили
«И меду и браги хмѣльной,
«За столъ бы тебя посадили —
«Покушай, желанный, родной!

«А сами напротивъ бы стали —
«Кормилецъ, надёжа семьи!
«Очей бы съ тебя не спускали,
«Ловили бы рѣчи твои...»

X

На эти рыданья и стоны
Сосѣди валили гурьбой:
Свѣчу положивъ у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смѣну входили другіе.
Но вотъ ужь толпа разбрелась,

Поужинать сѣли родные —
Капуста да съ хлѣбушкомъ квасъ.

Старикъ безполезной кручинѣ
Собой овладѣть не давалъ:
Подладившись ближе къ лучинѣ,
Онъ лапоть худой ковырялъ.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Провѣдать ребятокъ пошла.

Всю ноченьку, стоя у свѣчки,
Читалъ надъ усопшимъ дьячекъ
И вторилъ ему изъ-за печки
Пронзительнымъ свистомъ сверчокъ.

XI

Сурово мятелица выла
И снѣгомъ кидала въ окно,
Не весело солнце всходило:
Въ то утро свидѣтелемъ было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный въ сани,
Понуро стоялъ у воротъ;
Безъ лишнихъ рѣчей, безъ рыданій
Покойника вынесъ народъ.

— Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хозяину много,
Въ послѣдній разокъ послужи!...

Въ торговомъ селѣ Чистопольѣ
Купилъ онъ тебя сосункомъ,
Взростилъ онъ тебя на привольѣ
И вышелъ ты добрымъ конемъ.

Съ хозяиномъ дружно старался,
На зимушку хлѣбъ запасалъ,
Во стадѣ ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тѣло изрядно держалъ.

Когда же работы кончались
И сковывалъ землю морозъ,

Съ хозяиномъ вы отправлялись
Съ домашняго корма въ извозъ.

Не мало и тутъ доставалось —
Возилъ ты тяжелую кладь,
Въ жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на бокахъ твоихъ впалыхъ
Кнута не одна полоса,
За то на дворахъ постоялыхъ
Покушалъ ты вволю овса.

Слыхалъ ты въ январскія ночи
Мятели пронзительный вой,
И волчьи горящія очи
Видалъ на опушкѣ лѣсной,

Продрогнешь, натерпишься страху,
А тамъ — и опять ничего!
Да видно хозяинъ далъ маху —
Зима доканала его!...

XII

Случилось въ глубокомъ сугробѣ
Полсутокъ ему простоять,
Потомъ то въ жару, то въ ознобѣ
Три дня за подводой шагать:

Покойникъ на срокъ торопился
До мѣста доставить товаръ.
Доставилъ, домой воротился —
Нѣтъ голосу, въ тѣлѣ пожаръ!

Старуха его окатила
Водой съ девяти веретенъ
И въ жаркую баню сводила,
Да нѣтъ — не поправился онъ!

Тогда ворожеекъ созвали —
И поятъ, и шепчутъ, и трутъ —
Все худо! Его продѣвали
Три раза сквозь потный хомутъ,

Спускали родимаго въ пролубь,
Подъ куричій клали насѣстъ...

Всему покорялся, какъ голубь, —
А плохо — не пьетъ и не ѣстъ!

Еще положить подъ медвѣдя,
Чтобъ тотъ ему кости размялъ,
Ходебщикъ сергачевскій Ѳедя
— Случившійся тутъ — предлагалъ.

Но Дарья, хозяйка больнаго,
Прогнала совѣтчика прочь:
Испробовать средства инаго
Задумала баба: и въ ночь

Пошла въ монастырь отдаленной
(Верстахъ въ тридцати отъ села),
Гдѣ въ нѣкой иконѣ явленной
Цѣлебная сила была.

Пошла, воротилась съ иконой —
Больной ужь безгласенъ лежалъ,
Одѣтый какъ въ гробъ, причащеной.
Увидѣлъ жену, простоналъ

И умеръ...

XIII

... Савраcушка, трогай,
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хозяину много,
Въ послѣдній разокъ послужи!

Чу! два похоронныхъ удара!
Попы ожидаютъ — иди!...
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отецъ впереди.

Ребята съ покойникомъ оба
Сидѣли, не смѣя рыдать,
И правя савраской, у гроба
Съ возжами ихъ бѣдная мать

Шагала... Глаза ея впали
И былъ не бѣлѣй ея щекъ
Надѣтый на ней въ знакъ печали
Изъ бѣлой холстины платокъ.

За Дарьей — сосѣдей, сосѣдокъ
Плелась не густая толпа,

Толкуя, что Прокловыхъ дѣтокъ
Теперь не завидна судьба,

Что Дарьѣ работы прибудетъ,
Что ждутъ ее черные дни.
«Жалѣть ее некому будетъ»,
Согласно рѣшили они...

XIV

Какъ водится, въ яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалѣли, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Самъ староста, Сидоръ Иванычъ,
Вполголоса бабамъ подвылъ,
И «миръ тебѣ, Проклъ Савастьянычъ!»
Сказалъ: «благодушенъ ты былъ»,

«Жилъ честно, а главное: въ сроки,
«Ужь какъ тебя Богъ выручалъ,
«Платилъ господину оброки
«И подать царю представлялъ!»

Истративъ запасъ краспорѣчья,
Почтенный мужикъ покряхтѣлъ:
«Да, вотъ она жизнь человѣчья!»
Прибавилъ — и шапку надѣлъ.

«Свалился... а то-то былъ въ силѣ!...
«Свалимся... не минуть и намъ!...»
Еще покрестились могилѣ,
И съ Богомъ пошли по домамъ.

Высокій, сѣдой, сухопарый,
Безъ шапки, недвижно-нѣмой,
Какъ памятникъ, дѣдушка старый
Стоялъ на могилѣ родной!

Потомъ старина бородатой
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой,
Подъ вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Онъ съ бабой въ деревню входилъ:
«Какъ пьяныхъ шатаетъ кручина!
Глядитко!...» .. народъ говорилъ.

XV

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, дѣтей накормить.
Ай-ай! какъ изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Анъ глядь — ни полѣна дровишекъ!
Задумалась бѣдная мать:
Покинуть ей жаль ребятишекъ,
Хотѣлось бы ихъ приласкать,

Да времени нѣту на ласки.
Къ сосѣдкѣ свела ихъ вдова,
И тотчасъ, на томъ же савраскѣ,
Поѣхала въ лѣсъ, по дрова...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОРОЗЪ, КРАСНЫЙ НОСЪ

XVI

Морозно. Равнины бѣлѣютъ подъ снѣгомъ,
Чернѣется лѣсъ впереди,
Савраска плетется ни шагомъ, ни бѣгомъ,
Не встрѣтишь души на пути.

Какъ тихо! Въ деревнѣ раздавшійся голосъ
Какъ будто у самаго уха гудетъ,
О корень древесный запнувшійся полозъ
Стучитъ и визжитъ, и за сердце скребетъ.

Кругомъ — поглядѣть нѣту мочи,
Равнина въ алмазахъ блеститъ...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, ихъ солнце слѣпитъ...

XVII

Въ поляхъ было тихо, но тише
Въ лѣсу и какъ будто свѣтлѣй.
Чѣмъ далѣ — деревья все выше
А тѣни длиннѣй и длиннѣй.

Деревья, и солнце, и тѣни,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывныя пѣни,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе
И лѣсъ безучастно внималъ,
Какъ стоны лились на просторѣ
И голосъ рвался и дрожалъ,

И солнце кругло и бездушно,
Какъ желтое око совы,
Глядѣло съ небесъ равнодушно
На тяжкія муки вдовы.

И много ли струнъ оборвалось
У бѣдной крестьянской души,

На-вѣки сокрыто осталось
Въ лѣсной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малыхъ сиротъ
Подслушали вольныя птицы,
Но выдать не смѣли въ народъ...

XVIII

Не псарь по дубровушкѣ трубитъ
Гогочетъ, сорви-голова, —
Наплакавшись, колетъ и рубитъ
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросаетъ —
Наполнить бы ихъ поскорѣй,
И врядъ ли сама замѣчаетъ,
Что слезы все льютъ изъ очей:

Иная съ рѣсницы сорвется
И на снѣгъ съ размаху падетъ —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжетъ;

Другую на дерево кинетъ,
На плашку, — и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынетъ —
Бѣла и кругла и плотна.

А та на глазу поблистаетъ,
Стрѣлой по щекѣ побѣжитъ
И солнышко въ ней поиграетъ...
Управиться Дарья спѣшитъ,

Знай рубитъ, — не чувствуетъ стужи,
Не слышитъ, что ноги знобитъ,
И, полная мыслью о мужѣ,
Зоветъ его, съ нимъ говоритъ...

XIX

. . . .
. . . .
«Голубчикъ! красавицу нашу
Весной въ хороводѣ опять
Подхватятъ подруженьки Машу
И станутъ на ручкахъ качать!

«Станутъ качать,
Къ верху бросать,
Маковкой звать,
Макъ отряхать! (*)

«Вся раскраснѣется наша
Маковымъ цвѣткомъ Маша
Съ синими глазками, съ русой косой!

«Ножками бить и смѣяться
Будетъ... а мы–то съ тобой,
Мы на нее любоваться
Будемъ, желанный ты мой!...

XX

«Умеръ, не дожилъ ты вѣку,
Умеръ и въ землю зарытъ!

(*) Извѣстная народная игра, называемая: *сѣять макъ. Маковкой* садится въ серединѣ круга красивая дѣвочка, которую подъ конецъ подкидываютъ вверхъ, представляя тѣмъ отряхиванье мака; а то еще *макомъ* бываетъ простоватый дѣтина, которому при подкидываніи достается не мало колотушекъ.

«Любо весной человѣку,
Солнышко ярко горитъ.
Солнышко все оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просятъ косы,

«Рано я горькая встала,
Дома не ѣла, съ собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утромъ косить я пошла...

«Крѣпче вы, ноженьки, стойте!
Бѣлыя руки, не нойте!
Надо одной поспѣвать!

«Въ полѣ одной-то надсадно,
Въ полѣ одной неповадно,
Стану я милаго звать!

«Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимой, взгляни!
Сухо ли сѣно убрала?

Прямо ли стоги сметала?...
Я на грабляхъ отдыхала
Всѣ сѣнокосные дни!

«Нѣкому бабью работу поправить!
Нѣкому бабу на разумъ наставить...

XXI

«Стала скотинушка въ лѣсъ убираться,
Стала рожь-матушка въ колосъ метаться,
Богъ намъ послалъ урожай!
Нынче солома по грудь человѣку,
Богъ намъ послалъ урожай!
Да не продлилъ тебѣ вѣку, —
Хочешь-не хочешь, одна поспѣвай!...

«Оводъ жужжитъ и кусаетъ,
Смертная жажда томитъ,
Солнышко серпъ нагрѣваетъ,
Солнышко очи слѣпитъ,
Жжетъ оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжетъ,
Изо-ржи словно изъ печи

Тоже тепломъ обдаетъ,
Спинушка ноетъ съ натуги,
Руки и ноги болятъ,
Красные, желтые круги
Передъ очами стоятъ...
Жни-дожинай поскорѣе,
Видишь — зерно потекло...

«Вмѣстѣ бы дѣло спорѣе,
Вмѣстѣ повαднѣй бы шло...

XXII

«Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Сонъ передъ Спасовымъ днемъ.
Въ полѣ заснула одна я
Послѣ полудня, съ серпомъ,
Вижу — меня оступаетъ
Сила — несмѣтная рать, —
Грозно руками махаетъ,
Грозно очами сверкаетъ.
Думала я убѣжать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.

«Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибѣжала,
Травушки рвутся, шумятъ —
Дѣтки къ родимой спѣшатъ.
Шибко безъ вѣтру не машетъ
Мельница въ полѣ крыломъ:
Братецъ идетъ да приляжетъ,
Свекоръ плетется шажкомъ.
Всѣ прибрели, прибѣжали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
«Видишь, меня оступаетъ
«Сила — несмѣтная рать, —
«Грозно руками махаетъ,
«Грозно очами сверкаетъ:
«Что не идешь выручать?...»
Тутъ я кругомъ оглядѣлась —
Господи! Что куда дѣлось?
Что это было со мной?...
Рати тутъ нѣтъ никакой!
Это не люди лихіе,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,

Спѣлымъ зерномъ налитые,
Вышли со мной воевать!

«Машутъ, шумятъ, наступаютъ,
Руки, лицо щекотятъ,
Сами солому подъ серпъ нагибаютъ —
Больше стоять не хотятъ!

«Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупныя зерна —
Словно подъ градомъ стою!

«Вытечетъ, вытечетъ за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Гдѣ же ты, Проклъ Савастьянычъ?
Что пособлять не плешь?...

«Сонъ мой былъ въ руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

«Стану безъ милаго жать,
Снопики крѣпко вязать,
Въ снопики слезы ронять!

«Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы Господу нужны,
Чѣмъ ему дороги вы?...

XXIII

«Долги вы зимнія ноченьки,
Скучно безъ милаго спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

«Много натку я полотенъ,
Тонкихъ добротныхъ новинъ,
Выростетъ крѣпокъ и плотенъ,
Выростетъ ласковый сынъ.

«Будетъ по нашему мѣсту
Онъ хоть куда женихомъ,
Высватать парню невѣсту
Сватовъ надежныхъ пошлемъ...

«Кудри сама расчесала я Гришѣ,
Кровь съ молокомъ нашъ сынокъ-первенецъ,

Кровь съ молокомъ и невѣста... Иди же!
Благослови молодыхъ подъ вѣнецъ!...

«Этого дня мы какъ праздника ждали,
Помнишь, какъ началъ Гришуха ходить,
Цѣлую ноченьку мы толковали,
Какъ его будемъ женить,
Стали на свадьбу копить по немногу...
Вотъ — дождались, слава Богу!

«Чу бубенцы говорятъ!
Поѣздъ вернулся назадъ,
Выди на встрѣчу проворно —
Пава-невѣста, соколикъ-женихъ! —
Сыпь на нихъ хлѣбныя зерна,
Хмѣлемъ осыпь молодыхъ!... (*)

XXIV

«Стадо у лѣсу у темнаго бродитъ,
Лыки въ лѣсу пастушонко деретъ,

(*) Хмѣлемъ и хлѣбнымъ зерномъ осыпаютъ молодыхъ въ знакъ будущаго богатства.

Изъ лѣсу сѣрый волчище выходитъ.
Чью онъ овцу унесетъ?

«Черная туча, густая-густая,
Прямо надъ нашей деревней виситъ,
Прыснетъ изъ тучи стрѣла громовая,
Въ чей она домъ спаровитъ?

«Вѣсти недобрыя ходятъ въ народѣ,
Парнямъ недолго гулять на свободѣ,
Скоро — рекрутскій наборъ!

«Нашъ-то молодчикъ въ семьѣ одиночка,
Всѣхъ у насъ дѣтокъ Гришуха да дочка,
Да голова у насъ воръ —
Скажетъ: мірской приговоръ!

«Сгибнетъ ни за что, ни про что̀ дѣтина,
Встань, заступись за родимаго сына!

«Нѣтъ! не заступишься ты!...
Бѣлыя руки твои опустились,
Ясныя очи на вѣки закрылись...
Горькія мы сироты!...

XXV

«Я ль не молила Царицу небесную?
Я ли лѣнива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробѣла — пошла,

«Вѣтеръ шумитъ, наметаетъ сугробы.
Мѣсяца нѣтъ — хоть бы лучь!
На небо глянешь — какіе-то гробы,
Цѣпи да гири выходятъ изъ тучь...

«Я ли о немъ не старалась?
Я ли жалѣла чего?
Я ему молвить боялась,
Какъ я любила его!

«Звѣздочки будутъ у ночи,
Будетъ ли намъ-то свѣтлѣй?...

«Заяцъ спрыгнулъ изъ-подъ кочи,
Заинька, стой! не посмѣй
Перебѣжать мнѣ дорогу!

«Въ лѣсъ укатилъ, слава Богу...
Къ полночи стало страшнѣй, —

«Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила въ лѣсу,

«Что мнѣ до силы нечистой?
Чуръ меня! Дѣвѣ Пречистой
Я приношенье несу!

«Слышу я конское ржанье,
Слышу волковъ завыванье,
Слышу погоню за мной, —

«Звѣрь на меня не кидайся!
Лихъ человѣкъ не касайся,
Дорогъ нашъ грошъ трудовой!

«Лѣто онъ жилъ работаючи,
Зиму не видѣлъ дѣтей,
Ночи о немъ помышляючи,
Я не смыкала очей.

«Ѣдетъ онъ, зябнетъ... а я-то печальная
Изъ волокнистаго льну,
Словно дорога его чуже-дальная
Долгую — нитку тяну,

«Веретено мое прыгаетъ, вертится,
Въ полъ ударяется.
Проклушка пѣшъ идетъ, въ рытвинѣ крестится,
Къ возу на горочкѣ самъ припрягается.

«Лѣто за лѣтомъ, зима за зимой,
Этакъ-то мы раздобылись казной!

«Милостивъ буди къ крестьянину бѣдному,
Господи! все отдаемъ,
Что по копѣйкѣ, по грошику мѣдному
Мы сколотили трудомъ!...

XXVI

«Вся ты, тропина лѣсная!
Кончился лѣсъ.
Къ утру звѣзда золотая
Съ Божьихъ небесъ
Вдругъ сорвалась — и упала,

Дунулъ Господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что̀ было въ мысляхъ тогда,
Какъ покатилась звѣзда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла въ живыхъ я найду...

«Нѣтъ! не попуститъ Царица небесная!
Дастъ исцѣленье икона чудесная!

«Я осѣнилась крестомъ
И побѣжала бѣгомъ...

«Сила-то въ немъ богатырская,
Милостивъ Богъ, не умретъ...
Вотъ и стѣна монастырская!
Тѣнь ужь моя головой достаетъ
До монастырскихъ воротъ.

«Я поклонилася земнымъ поклономъ,
Стала на ноженьки, глядь —

Воронъ сидитъ на крестѣ золоченомъ,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII

«Долго меня продержали —
Схимницу сестры въ тотъ день погребали.

«Утреня шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
Въ черныя рясы наряжены,
Только покойница въ бѣломъ была:
Спитъ — молодая, спокойная,
Знаетъ, что будетъ въ раю.
Поцаловала и я, недостойная,
Бѣлую ручку твою!
Въ личико долго глядѣла я:
Всѣхъ ты моложе, нарядпѣй, милѣй,
Ты межь сестеръ словно горлинка бѣлая
Промежду сизыхъ, простыхъ голубей.

«Въ ручкахъ чернѣются чотки,
Писанный вѣнчикъ на лбу.
Чорный покровъ на гробу —
Этакъ-то ангелы кротки!

«Молви, косатка моя,
Богу святыми устами,
Чтобъ не осталася я
Горькой вдовой съ сиротами!

«Гробъ на рукахъ до могилы снесли,
Съ пѣньемъ и плачемъ ее погребли.

XXVIII

«Двинулась съ миромъ икона святая,
Сестры запѣли, ее провожая,
Всѣ приложилися къ ней.

«Много Владычицѣ было почету:
Старый и малый бросали работу,
Изъ деревень шли за ней.

«Къ ней выносили больныхъ и убогихъ...
Знаю, Владычица! знаю: у многихъ
Ты осушила слезу...

«Только ты милости къ намъ не явила!
. . . .
. . . .

«Господи! сколько я дровъ нарубила!
Не увезешь на возу...»

XXIX

Окончивъ привычное дѣло,
На дровни поклала дрова,
За возжи взялась и хотѣла
Пуститься въ дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась, стоя,
Топоръ машинально взяла
И тихо, прерывисто воя,
Къ высокой соснѣ подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоитъ подъ сосной чуть живая,
Безъ думы, безъ стона, безъ слезъ.
Въ лѣсу тишина гробовая —
День свѣтелъ, крѣпчаетъ морозъ.

XXX

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ побѣжали ручьи,
Морозъ-воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.

Глядитъ — хорошо ли мятели
Лѣсныя тропы занесли,
И нѣтъ ли гдѣ трещины, щели,
И нѣтъ ли гдѣ голой земли?

Пушисты ли сосенъ вершины,
Красивъ ли узоръ на дубахъ?
И крѣпко ли скованы льдины
Въ великихъ и малыхъ водахъ?

Идетъ — по деревьямъ шагаетъ,
Трещитъ по замерзлой водѣ,
И яркое солнце играетъ
Въ косматой его бородѣ.

Дорога вездѣ чародѣю,
Чу! ближе подходитъ, сѣдой.

И вдругъ очутился надъ нею,
Надъ самой ея головой!

Забравшись на сосну большую,
По вѣточкамъ палицей бьетъ
И самъ про себя удалую,
Хвастливую пѣсню поетъ:

XXXI

«Вглядись, молодица, смѣлѣе,
«Каковъ воевода Морозъ!
«Наврядъ тебѣ парня сильнѣе
«И краше видать привелось?

«Мятели, снѣга и туманы
«Покорны морозу всегда,
«Пойду на моря-океяны —
«Построю дворцы изо-льда.

«Задумаю — рѣки большія
«На долго упрячу подъ гнетъ,
«Построю мосты ледяные,
«Какихъ не построитъ народъ.

«Гдѣ быстрыя, шумныя воды
«Недавно свободно текли, —
«Сегодня прошли пѣшеходы,
«Обозы съ товаромъ прошли.

«Люблю я въ глубокихъ могилахъ
«Покойниковъ въ иней рядить,
«И кровь вымораживать въ жилахъ,
«И мозгъ въ головѣ леденить.

«На горе недоброму вору,
«На страхъ сѣдоку и коню,
«Люблю я въ вечернюю пору
«Затѣять въ лѣсу трескотню.

«Бабенки, пѣняя на лѣшихъ,
«Домой удираютъ скорѣй.
«А пьяныхъ и конныхъ и пѣшихъ
«Дурачить еще веселѣй.

«Безъ мѣлу всю выбѣлю рожу,
«А носъ запылаетъ огнемъ,
«И бороду такъ приморожу
«Къ возжамъ — хоть руби топоромъ!

«Богатъ я, казны не считаю,
«А все не скудѣетъ добро;
«Я царство мое убираю
«Въ алмазы, жемчугъ, серебро.

«Войди въ мое царство со мною
«И будь ты царицею въ немъ!
«Поцарствуемъ славно зимою,
«А лѣтомъ глубоко уснемъ.

«Войди! приголублю, согрѣю,
«Дворецъ отведу голубой...»
И сталъ воевода надъ нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

«Тепло ли тебѣ, молодица?»
Съ высокой сосны ей кричитъ.
— Тепло! отвѣчаетъ вдовица,
Сама холодѣетъ, дрожитъ.

Морозко спустился по ниже,
Опять помахалъ булавой

И шепчетъ ей ласковѣй, тише:
«Тепло-ли?...» — Тепло, золотой! —

Тепло — а сама коченѣетъ.
Морозко коснулся ее:
Въ лицо ей дыханіемъ вѣетъ
И иглы колючія сѣетъ
Съ сѣдой бороды на нее.

И вотъ передъ ней опустился!
«Тепло ли?» промолвивъ опять,
И въ Проклушку вдругъ обратился
И сталъ онъ ее цаловать.

Въ уста ея, въ очи и въ плечи
Сѣдой чародѣй цаловалъ
И тѣ же ей сладкія рѣчи
Что милый о свадьбѣ шепталъ.

И такъ-то ли любо ей было
Внимать его сладкимъ рѣчамъ,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топоръ уронила къ ногамъ,

Улыбка у горькой вдовицы
Играетъ на блѣдныхъ губахъ,
Пушисты и бѣлы рѣсницы,
Морозныя иглы въ бровяхъ...

XXXIII

Въ сверкающій иней одѣта
Стоитъ, холодѣетъ она,
И снится ей жаркое лѣто —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата, — полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.

Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвушка,
Сидѣла съ морковкой въ рукѣ.

Телѣга скрыпя подъѣзжаетъ —
Савраска глядитъ на своихъ

И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ споповъ золотыхъ.

— Богъ помочь! А гдѣ же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
«Въ горохахъ», сказала старуха.
— Гришуха! отецъ закричалъ,

На небо взглянулъ. — Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.

Гришуха межь тѣмъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.

— Бѣжитъ!... у!... бѣжитъ, пострѣленокъ,
Горитъ подъ ногами трава! —
Гришуха черенъ, какъ галчонокъ,
Бѣла лишь одна голова.

Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ).

Попотчивалъ баушку, матку,
Сестренку — вертится вьюномъ!

Отъ матери молодцу ласка,
Отецъ мальчугана щипнулъ;
Межь тѣмъ не дремалъ и савраска:
Онъ шею тянулъ да тянулъ,

Добрался, — оскаливши зубы,
Горохъ аппетитно жуетъ,
И въ мягкія добрыя губы
Гришухино ухо беретъ...

XXXIV

Машутка отцу закричала:
— Возьми меня, тятька, съ собой!
Спрыгнула съ мѣшка — и упала,
Отецъ ее поднялъ. «Не вой!

«Убилась — неважное дѣло!...
Дѣвчонокъ не надобно мнѣ,
Еще вотъ такова пострѣла
Рожай мнѣ, хозяйка, къ веснѣ!

«Смотри же!...» Жена застыдилась,
— Довольно съ тебя одного!
(А знала, подъ сердцемъ ужь билось
Дитя)... «Ну! Машукъ, ничего!»

И Проклушка, ставъ на телѣгу,
Машутку съ собой посадилъ.
Вскочилъ и Гришуха съ разбѣгу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ.

Воробушковъ стая слетѣла
Съ споповъ, надъ телѣгой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрѣла,
Отъ солнца рукой заслонясь,

Какъ дѣти съ отцомъ приближались
Къ дымящейся ригѣ своей,
И ей изъ споповъ улыбались
Румяныя лица дѣтей...

Чу, пѣсня! знакомые звуки!
Хорошъ голосокъ у пѣвца...
Послѣдніе признаки муки
У Дарьи исчезли съ лица,

Душой улетая за пѣсней,
Она отдалась ей вполнѣ...
Нѣтъ въ мірѣ той пѣсни прелестнѣй,
Которую слышимъ во снѣ!

О чемъ она — Богъ ее знаетъ!
Я словъ уловить не умѣлъ,
Но сердце она утоляетъ,
Въ ней дольняго счастья предѣлъ.

Въ ней кроткая ласка участья,
Обѣты любви безъ конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходитъ съ лица.

XXXV

Какой бы цѣной ни досталось
Забвенье крестьянкѣ моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалѣть мы не будемъ о ней.

Нѣтъ глубже, нѣтъ слаще покоя,
Какой посылаетъ намъ лѣсъ,

Недвижно, безтрепетно стоя
Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.

Нигдѣ такъ глубоко и вольно
Не дышетъ усталая грудь
И ежели жить намъ довольно,
Намъ слаще нигдѣ не уснуть!

XXXVI

Ни звука! Душа умираетъ
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, какъ покоряетъ
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синій
Сводъ неба, да солнце, да лѣсъ,
Въ серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудесъ,

Влекущій невѣдомой тайной,
Глубоко-безстрастный... Но вотъ
Послышался шорохъ случайной —
Вершинами бѣлка идетъ.

Комъ снѣгу она уронила
На Дарью, прыгнувъ по соснѣ.
А Дарья стояла и стыла
Въ своемъ заколдованномъ снѣ...

1863.

* * *

Надрывается сердце отъ муки,
Плохо вѣрится въ силу добра,
Внемля въ мірѣ царящіе звуки
Барабановъ, цѣпей, топора.

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смѣшанный шумъ;
Ты ликуешь, на мигъ не смолкая,
Какъ дитя, безъ заботы и думъ.
Въ обаяніи счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчутъ зеленыя травы,
Говорливо струптся волна;
Въ стадѣ весело ржетъ жеребенокъ,
Быкъ съ землей вырываетъ траву,
А въ лѣсу бѣлокурый ребенокъ —
Чу! кричитъ «Парасковья, ау»!
По холмамъ, по лѣсамъ, надъ долиной
Птицы сѣвера вьются, кричатъ,
Разомъ слышны — напѣвъ соловьиной

И нестройные писки галчатъ,
Грохотъ тройки, скрипѣнье подводы,
Крикъ лягушекъ, жужжапіе осъ,
Трескъ кобылокъ, — въ просторѣ свободы
Все въ гармонію жизни слилось...

Я наслушался шума иного...
Оглушенный, подавленный имъ
Мать-природа! иду къ тебѣ снова
Со всегдашнимъ желаньемъ моимъ —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтобъ душа ощутила покой
И прозрѣвшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

РЫЦАРЬ НА ЧАСЪ

РЫЦАРЬ НА ЧАСЪ

—

Если пасмуренъ день, если ночь не свѣтла,
Если вѣтеръ осенній бушуетъ,
Надъ душой воцаряется мгла,
Умъ, бездѣйствуя, вяло тоскуетъ.
Только сномъ и возможно помочь,
Но къ несчастью, не всякому спится...

Слава Богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудилъ я гусей на пруду,
Я со стога спугнулъ ястребенка,
Какъ онъ вздрогнулъ! какъ крылья развилъ!

Какъ взмахнулъ ими сильно и плавно!
Долго, долго за нимъ я слѣдилъ,
Я невольно сказалъ ему: славно!
Чу! стучитъ проѣзжающій возъ,
Деготькомъ потянуло съ дороги...
Обоняніе тонко въ морозъ,
Мысли свѣжи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняютъ ожившую грудь;
Жаждой дѣла душа закипаетъ,
Вспоминается пройденный путь,
Совѣсть пѣсню свою запѣваетъ...

Я совѣтую гнать ее прочь —
Будетъ вре́мя еще сосчитаться!
Въ эту тихую, лунную ночь
Созерцанію должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Мѣсяцъ полный плыветъ надъ дубровой
И господствуютъ въ небѣ цвѣта
Голубой, бѣловатой, лиловой.

Воды ярко блестятъ средь полей,
А земля прихотливо одѣта
Въ волны бѣлаго луннаго свѣта
И узорчатыхъ, странныхъ тѣней.
Отъ большихъ очертаній картины
До тончайшихъ сѣтей паутины,
Что̀ по воздуху тихо плывутъ —
Все отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату бѣгутъ;
Замыкающій сонныя нивы,
Лѣсъ сквозитъ, весь усыпанъ листвой;
Чудны красокъ его переливы
Подъ играющей, ясной луной;
Дубъ ли пасмурный, кленъ ли веселый —
Въ немъ легко отличишь издали;
Грудью къ сѣверу, воронъ тяжелый —
Видишь — дремлетъ на старой ели!
Все, чѣмъ можетъ порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленѣющей озими гладь,
Подо льномъ — золотая долина,
Посреди освѣщенныхъ луговъ
Величавое войско стоговъ,

Все доступно довольному взору...
Не сожмется мучительно грудь,
Еслибъ даже пришлось въ эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ея бѣдность нагая!
Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоитъ словно полная чаша.
Пожелай ей покойнаго сна —
Утомилась, кормилица наша!...

Спи, кто можетъ — я спать не могу,
Я стою потихоньку, безъ шуму,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умѣлъ я съ тобой совладать,
Не осилилъ я думы жестокой...

Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
    На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,

За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокой.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ крестомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ-старикъ
На свою колокольню-руину,
На тѣни онъ громадно великъ:
Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись! — и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околодкѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ — бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ

И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о ведряномъ днѣ.

Звукъ за звукомъ гудя прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдѣленъ — все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ.

Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты не дрогнувъ ударъ приняла,
За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?...

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія

Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу свободную, гордую,
Что̀ въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мірскаго далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя блѣднолицую
И на судъ твой себя отдаю.
Не блѣднѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу,

Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя,
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ,
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни — впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ — и вовсе упалъ!...
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася,
Можетъ смертью еще доказать,

Что въ немъ сердце не робкое билося,
Что умѣлъ онъ любить...
. . . .

(утромъ, въ постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Все въ душѣ угнетенной моей
Пробудилось... но гдѣ же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабѣй.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будетъ могила,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать.

Все, что въ сердцѣ кипѣло, боролось,
Все лучъ блѣднаго утра спугнулъ,
И насмѣшливый внутренній голосъ
Злую пѣсню свою затянулъ:
«Покорись — о, ничтожное племя!
«Неизбѣжной и горькой судьбѣ,
«Захватило васъ трудное время

«Неготовыми къ трудной борьбѣ.
«Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
«Но для дѣла вы мертвы давно,
«Суждены вамъ благіе порывы,
«Но свершить ничего не дано...»

* * *

Стихи мои! Свидѣтели живые
За міръ пролитыхъ слезъ!
Родитесь вы въ минуты роковыя
Душевныхъ грозъ
И бьетесь о сердца людскія,
Какъ волны объ утесъ.

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

ОРИНА, МАТЬ СОЛДАТСКАЯ

Чуть живые, въ ночь осеннюю
Мы съ охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодняго,
Слава Богу, добираемся.

— Вотъ и мы! Здорово, старая!
Что̀ насупилась ты, кумушка!
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посѣтила ли кручинушка?
Молви — можетъ и размыкаю.
И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.

— Восемь лѣтъ сынка не видѣла,
Живъ ли, нѣтъ — не откликается,
Ужь и свидѣться не чаяла,
Вдругъ сыночекъ возвращается.

Вышло молодцу въ безсрочные....
Истопила жарко банюшку,
Напекла блиновъ Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости.
Воротился сынъ больнехонекъ,
Ночью кашель бьетъ солдатика,
Бѣлый платъ въ крови мокрехонекъ!

Говоритъ: «поправлюсь, матушка!»
Да ошибся — не поправился,
Девять дней хворалъ Иванушка,
На десятый день преставился...

Замолчала — не прибавила
Ни словечка, безталанная...
— Да съ чего же привязалася
Къ парню хворость окаянная?

— Хилой что ли былъ съ рожденія?..
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырскаго сложенія,
Здоровенный былъ дѣтинушка!

«Подивился самъ изъ Питера
Генералъ на парня этого,
Какъ въ рекрутское присутствіе
Привели его раздѣтаго...

«На избенку эту бревнышки
Онъ одинъ таскалъ сосновые...
И вилися у Иванушки
Русы кудри какъ шелковые»...

И опять молчитъ несчастная...
— Не молчи — развѣй кручинушку!
Что сгубило сына милаго —
Чай спросила ты дѣтинушку? —

«Не любилъ, сударь, разсказывать
Онъ про жизнь свою военную,
Грѣхъ мірянамъ-то показывать
Душу — Богу обреченную!

«Говорить — гнѣвить Всевышняго,
Окаянныхъ бѣсовъ радовать...
Чтобъ не молвить слова лишняго,
На враговъ не подосадовать,

«Нѣмота передъ кончиною
Подобаетъ христіанину.
Знаетъ Богъ, какія тягости
Сокрушили силу Ванину!

«Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Онъ одни слова утѣшныя
Говорилъ мнѣ, умираючи.

«Тихо по двору похаживалъ
Да постукивалъ топорикомъ,
Избу ветхую облаживалъ,
Огородъ обнесъ заборикомъ;

«Перекрыть сарай задумывалъ.
Не сбылись его желанія:
Слегъ — и всталъ на ноги рѣзвыя
Только за день до скончанія!

«Поглядѣть на солнце красное
Пожелалъ, — пошла я съ Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался съ ригой, съ банею.

«Сѣнокосомъ шелъ — задумался,
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косилъ тебя во младости! —
И заплакалъ мой Иванушка!

«Пѣсня вдругъ съ дороги грянула,
Подхватилъ что было голосу
— «Не бѣлы снѣжки», закашлялся,
Задышался — палъ на полосу!

«Не стояли ноги рѣзвыя,
Не держалася головушка!
Съ часъ домой мы возвращалися...
Было время — пѣлъ соловушка!

«Страшно въ эту ночь послѣднюю
Было: память потерялася,
Все ему передъ кончиною
Служба эта представлялася.

«Ходитъ, чиститъ амуницію,
Набѣлилъ ремни солдатскіе,
Языкомъ игралъ сигналики,
Пѣсни пѣлъ — такія хватскія!

«Артикулъ ружьемъ выкидывалъ,
Такъ, что весь домишка вздрагивалъ;
Какъ журавль стоялъ на ноженькѣ
На одной — носокъ вытягивалъ.

«Вдругъ метнулся... смотритъ жалобно...
Повалился — плачетъ, кается,
Крикнулъ «ваше благородіе!»
«Ваше!»... вижу — задыхается!

«Я къ нему. Утихъ, послушался —
Легъ на лавку. Я молилася:
Не пошлетъ ли Богъ спасеніе?...
Къ утру память воротилася,

«Прошепталъ: прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!...
Я надъ Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

«И погасъ онъ словно свѣченька
Восковая, предъ-иконная...»

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!...

КАЛИСТРАТЪ

Надо мной пѣвала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастливъ, Калистратушка!
«Будешь жить ты припѣваючи!»

И сбылось, по волѣ Божіей,
Предсказанье моей матушки:
Нѣтъ богаче, нѣтъ пригожѣе,
Нѣтъ наряднѣй Калистратушки!

Въ ключевой водѣ купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
Съ непосѣянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагихъ дѣтишекъ стиркою,
Пуще мужа наряжается —
Носитъ лапти съ подковыркою!...

ДЕШЕВАЯ ПОКУПКА

«За отъѣздомъ продаются: мебель, зеркала и проч. Домъ Воронина, № 159.»

«Полиц. Вѣд.»

Надо поѣхать — статья подходящая!
Слышится въ этомъ нужда настоящая,
Не попадется ли что нибудь дешево?
Вотъ и поѣхалъ я. Много хорошаго:
Бронза, картины, портьеры все новыя,
Мягкія кресла, диваны отмѣнные.
Только у барыни очи суровыя,
Рѣчи короткія, губы надмѣнныя;
Видимо чѣмъ-то она озабочена,
Но молода, хороша удивительно:
Словно рукой геніальной обточено
Смуглое личико. Все въ ней плѣнительно:
Тянутъ назадъ ея голову милую
Чорные волосы, сѣткою сжатые,
Дышутъ какою-то сдержанной силою
Ноздри красивыя, вверхъ приподнятыя.
Видно, что жгучая мысль безпокойная

Въ сердцѣ кипитъ, на просторъ порывается.
Вся соразмѣрная, гордая, стройная,
Мнѣ эта женщина часто мечтается...

Я отобралъ себѣ вещи прекрасныя,
Но оказалися цѣны ужасныя!
День переждалъ, захожу — то же самое!
Меньше предложишь, такъ даже обидится!...
— Барыня эта — созданье упрямое:
Съ мужемъ, подумалъ я, надо увидѣться.

Мужъ — господинъ красоты замѣчательной,
Въ гвардіи годъ прослужившій отечеству,
Былъ человѣкъ разбитной, обязательной,
Склонный къ разгулу, къ игрѣ, къ молодечеству, —
Съ нимъ у насъ дѣло какъ разъ завязалося.
Странная драма тогда разыгралася:
Мужа застану — поладимъ скорехонько;
Барыня выйдетъ — ни въ чемъ не сторгуешься,
(Только глазами ея полюбуешься).
Нечего дѣлать! вставалъ я ранехонько
И пока барыня сномъ наслаждалася —
Многое сходно купить удавалося.

У дому ждутъ ломовые извощики,
Въ домѣ толпятся вещей переносщики,
Окна ободраны, стѣны ужь голыя,
У покупателей лица веселыя.
Только у няни глаза заслезилися:
«Вотъ и съ приданымъ своимъ мы простилися»!
Молвила няня... — Какое приданое?
«Все это взялъ онъ за барышней нашею,
«Вмѣстѣ весной покупали съ мамашею;
«Какъ любовались!...»

Открытье нежданное!
Сказано слово — и все объяснилося!
Вотъ почему такъ она дорожилася.
Бѣдная женщина! Въ позднемъ участіи,
Я проклинаю торгашество пошлое.
Все это куплено съ мыслью о счастіи,
Съ этимъ уходитъ — счастливое прошлое!
Здѣсь ты свила себѣ гнѣздышко скромное,
Каждый здѣсь гвоздикъ вколоченъ съ надеждою...
Ну, а теперь ты созданье бездомное,
Порабощенное грубымъ невѣждою!
Гдѣ не остылъ еще слѣдъ обаянія
Дѣвственной мысли, мечты обольстительной,

Тамъ совершается торгъ возмутительной.
Какъ еще можешь сдержать ты рыданія!
Въ очи твои голубыя, красивыя
Нагло глядятъ торгаши непривѣтные.
Осквернены твои думы стыдливыя,
Проданы съ торгу надежды завѣтныя!...

Няня межъ тѣмъ заунывныя жалобы
Шепчетъ мнѣ въ ухо: «Распродали дешево —
«Лишь до деревни доѣхать достало бы.
«Что ужь тамъ будетъ? не жду я хорошаго!
«Баринъ, поди, загуляетъ съ сосѣдями,
«Барыня будетъ одна-одинехонька,
«День-то не веселъ, а ночь-то чернехонька.
«Рядомъ лѣсище — съ волками, съ медвѣдями.»

— Смолкни ты, няня! созданье болтливое,
Не надрывай мое сердце пугливое!
Намъ ли въ диковину сцены тяжелыя?
Каждому трудно живется и дышется.
Чудо, что есть еще лица веселыя,
Чудо, что смѣхъ еще временемъ слышится!...

Баринъ пришелъ — поздравляетъ съ покупкою,

Барыня бродитъ такая унылая;
Съ тихо воркующей, нѣжной голубкою
Я ее сравнивалъ, деньги постылыя
Ей отдавая... Копѣйка ты мѣдная!
Горе ты, горе! нужда окаянная...

Чуть надъ тобой не заплакалъ я, бѣдная!
Вотъ одолжилъ бы... Прощай, безталанная!...

КУМУШКИ

Тёменъ вернулся съ кладбища Трофимъ;
Малыя дѣтки вернулися съ нимъ,

Сынъ да дѣвочка. Домой-то безъ матушки
Горько вернуться: дорогой ребятушки

Ревма-ревѣли; а тятька молчалъ.
Дома порылся, кубарь отыскалъ:

«Нате, ребята! — играйте, сердечные!»
И улыбнулися дѣти безпечныя,

Жжжжи-жи! запустили кубарь у воротъ...
Кто ни проходитъ — жалѣетъ сиротъ:

«Нѣтъ у васъ матушки!» молвила Марьюшка,
«Нѣту родимой!» прибавила Дарьюшка —

Дѣти широко раскрыли глаза,
Стихли. У Маши блеснула слеза...

«Какъ теперь будете жить, сиротиночки!»
И у Гришутки блеснули слезиночки.

«Кто-то васъ будетъ ласкать-баловать?»
Навзрыдъ заплакали дѣти опять.

«Полно, не плачьте!» сказала Протасьевна,
«Ужь не воротишь», прибавила Власьевна:

«Грѣшную душеньку Боженька взялъ,
«Кости въ могилушку попъ закопалъ.

«То-то чай холодно, страшно въ могилушкѣ!
«Ну-же не плачьте! родные вы, милушки!...»

Пуще расплакались дѣти. Трофимъ
Крики услышалъ и выбѣжалъ къ нимъ,

Сталъ унимать какъ умѣлъ, а сосѣдушки
Ну помогать ему: «полноте, дѣтушки!»

«Что ужь тутъ плакать? пора привыкать
«Къ долѣ сиротской; забудьте вы мать:

«Спѣли церковники память ей вѣчную,
«Чай ужь теперь её гложетъ сердечную

«Червь подземельный!...» Трофимъ поскорѣй
На̀ руки взялъ — да въ избёнку дѣтей!

Цѣлую ночь проревѣли ребятушки:
«Нѣтъ у насъ матушки! нѣтъ у насъ матушки!

«Матушку на небо Боженька взялъ!»
Цѣлую ночь съ ними тятька не спалъ,

У самого расходилися думушки...
Ну, удружили досужія кумушки!

* * *

Гдѣ твое личико смуглое
Нынче смѣется, кому?
Эхъ, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А вѣдь бывало охотно
Шла ты ко мнѣ вечеркомъ,
Какъ мы съ тобой беззаботно
Веселы были вдвоемъ!

Какъ выражала ты живо
Милыя чувства свои!
Помнишь, тебѣ особливо
Нравились зубы мои,

Какъ любовалась ты ими,
Какъ цаловала, любя!
Но и зубами моими
Не удержалъ я тебя...

* * *

Что ты, сердце мое, расходилося?...
Постыдись! Ужь про насъ не впервой
Снѣжнымъ комомъ прошла — прокатилася
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть ростетъ, прибавляется,
Не тужи! какъ умремъ,
Кто-нибудь и объ насъ проболтается
Добрымъ словцомъ. —

* * *

. . . . одинокій, потерянный,

Я какъ въ пустынѣ стою,

Гордо не кличетъ мой голосъ увѣренный

Душу родную мою.

Нѣтъ ея въ мірѣ. Тѣ дни миновалися

Какъ на призывы мои

Чуткіе сердцемъ друзья отзывалися,

Слышалось слово любви.

Кто виноватъ — у судьбы не доспросишься,

Да и не все-ли равно?

У моря бродишь, — «не вѣрю, не бросишься!»

Вкрадчиво шепчетъ оно:

«Гдѣ тебѣ? Дружбы, любви и участія

«Ты еще жаждешь и ждешь.

«Гдѣ тебѣ, гдѣ тебѣ! — ты не безъ счастія,

«Ты не безъ ласки живешь...

«Видишь, разсѣялась туча туманная,
«Звѣздочки вышли, горятъ?
«Всѣ на тебя, голова безталанная,
«Ласковымъ взоромъ глядятъ.»

* * *

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты! — русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Все-выносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палитъ.

Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда — растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Чтоже ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!...

Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею,
Право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Канутъ они — все равно!

Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?...

ЧТО ДУМАЕТЪ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

Въ позднюю ночь надъ усталой деревнею
Сонъ непробудный царитъ,
Только старуху столѣтнюю, древнюю
Не посѣтилъ онъ. — Не спитъ,

Мечется по-печи, охаетъ, мается,
Ждетъ — не поютъ пѣтухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Все-то грѣхи да грѣхи!

«Охти-мнѣ! часто Владыку небеснаго
Я искушала грѣхомъ:
Нутко-се! съ ходу-то, съ ходу-то крестнаго
Разъ я ушла съ паренькомъ

«Въ рощу... Вотъ то-то! мы съ молоду дурочки,
Думаемъ: милостивъ Богъ!
Разъ у сосѣдки взяла изъ-подъ курочки
Пару яичекъ... охъ! охъ!

«Въ страдную пору больной притворилася —
Мужа въ побывку ждала...
Съ Ѳедей солдатикомъ чуть не слюбилася...
Съ мужемъ подъ праздникъ спала.

«Охти-мнѣ... охъ! угожу въ преисподнюю!
Разъ, какъ забрили сынка,
Я возроптала на благость Господнюю,
Въ постъ испила молока, —

«То-то я грѣшница! то-то преступница!
Съ горя валялась пьяна...
Божія матерь! Святая заступница!
Вся-то грѣшна я, грѣшна!...»

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМЪ (*)

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Играючи расходится
Вдругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ кусты ольховые,
Подыметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено,
И воздухъ, и вода!

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикѣевна,
Водой не замутитъ!

(*) Такъ народъ называетъ пробужденіе природы весной.

Да съ ней бѣда случилася,
Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ...
Сама сказала, глупая,
Типунъ ей на языкъ!

Въ избѣ самъ другъ съ обманщицей
Зима насъ заперла,
Въ мои глаза суровые
Глядитъ, — молчитъ жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не даетъ:
Убить... такъ жаль сердечную!
Стерпѣть — такъ силы нѣтъ!
А тутъ зима косматая
Реветъ и день и ночь:
«Убей, убей измѣнницу!
«Злодѣя изведи!
«Не то весь вѣкъ промаешься,
«Ни днемъ, ни долгой ноченькой
«Покоя не найдешь.
«Въ глаза твои безстыжіе
«Сосѣди наплюютъ!...»
Подъ пѣсню-вьюгу зимнюю
Окрѣпла дума лютая —

Припасъ я вострый ножъ...
Да вдругъ весна подкралася...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ, новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣдно-листая,
И бѣлая березонька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ...
Шумятъ они по новому,
По новому, весеннему...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Слабѣетъ дума лютая,
Ножъ валится изъ рукъ,
И все мнѣ пѣсня слышится
Одна — въ лѣсу, въ лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — Богъ тебѣ судья!»

20 НОЯБРЯ, 1861

—

Я покинулъ кладбище унылое,
Но я мысль мою тамъ позабылъ, —
Подъ землею въ гробу пріютилася
И глядитъ на тебя, мертвый другъ!

Ты схороненъ въ морозы трескучіе,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо черезъ щели гробовыя
Проступить не успѣла вода;
Ты лежишь какъ сейчасъ похороненный,
Только словно длиннѣй и бѣлѣй
Пальцы рукъ, на груди твоей сложенныхъ,
Да сквозь землю проникнувшимъ инеемъ
Убѣлилъ твои кудри морозъ,
Да слѣды наложили чуть видные
Поцалуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутыя
И на впалыя очи твои...

* * *

Литература, съ трескучими фразами,
Полная духа анти-человѣчнаго,
. . . .
. . . . , —
Дайте вздохнуть!...
Я простился съ столицами,
Мирно живу средь полей,
Но и крестьяне съ унылыми лицами
Не услаждаютъ очей;
Ихъ нищета, ихъ терпѣнье безмѣрное
Только досаду родитъ...
Что же ты любишь, дитя маловѣрное.
Гдѣ же твой идолъ стоитъ?...

ПОЖАРИЩЕ

Весело бить васъ, медвѣди почтенные,
Только до васъ добираться невесело,
Кочи, ухабины, ели безсмѣнныя!
Каждое дерево вѣтви повѣсило,
Каркаетъ воронъ надъ бѣлой равниною,
Нищій въ деревнѣ за дровни цѣпляется.
Этой сплошной безотрадной картиною
Сердце подавлено, взоръ утомляется.
Ой! надоѣла ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бѣдность крестьянская!
То ли бы дѣло лошадка заводская,
Съ полостью санки, прогулка дворянская?...
Даже церквей здѣсь почти не имѣется.
Вотъ наконецъ впереди развлеченіе:
Что-то на бѣлой полянѣ чернѣется,
Что-то дымится, — сгорѣло селеніе!
Бѣдныхъ, богатыхъ не различающій,
Шутку огонь подшутилъ презабавную:
Только повсюду еще украшающій

Освобожденную Русь православную
Столбъ уцѣлѣлъ — и на немъ сохраняются
Строки: «деревня помѣщика Вѣчева».
Съ лаемъ собаки на насъ не бросаются,
Думаютъ видно: украсть вамъ тутъ нечего!
(Такъ. А давно ли служили вы съ вѣрою,
Лаяли, злились до самозабвенія
И на хребтѣ своемъ шерсть черно-сѣрую
Ставили дыбомъ въ защиту селенія?...)
Да на обломкахъ стѣны штукатуренной
Крайняго дома — должно быть дворянскаго —
Видны портреты: Кутузовъ нахмуренной,
Блюхеръ безсмѣнный и бокъ Забалканскаго.
Лошадь дрожитъ у плетня почернѣлаго,
Куры бездомныя съ холоду ёжатся
И на остаткахъ жилья погорѣлаго
Люди какъ черви на трупѣ копошатся...

* * *

Что̀ ни годъ — уменьшаются силы,
Что̀ ни годъ — каменѣю душой...
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись поры золотой —

Той поры, когда высохнутъ слезы
И закроются раны твои,
И свершатся завѣтныя грёзы,
Вожделѣнныя думы мои!

Но желалъ бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на вѣрномъ пути,
Что твой пахарь, поля засѣвая,
Видитъ ведреный день впереди;

Чтобы вѣтеръ роднаго селенья
Звукъ единый до слуха донесъ,
Подъ которымъ не слышно кипѣнья
Человѣческой крови и слезъ.

1861.

ПРИЛОЖЕНІЕ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

1842—45 годовъ

ПРИМѢЧАНІЕ

Меня всегда пугало то обиліе плохихъ стихотвореній, которое наводняло литературу по смерти каждаго поэта, сколько нибудь обращавшаго на себя вниманіе публики. Не говоря уже о печатныхъ источникахъ, выкапывались рукописныя тетрадки съ дѣтскими упражненіями автора, — тетрадки, иногда даже происхожденья сомнительнаго; оказывались альбомы; припоминались экспромты. И все это печаталось въ журналахъ, сборникахъ, отдѣльныхъ статьяхъ, съ именемъ покойнаго, а потомъ переходило въ полное собраніе его сочиненій, и переходило иногда зря, безъ необходимыхъ поясненій: дурное перемѣшивалось съ хорошимъ, отдѣланное съ неотдѣланнымъ; даже въ пьесахъ, много разъ печатавшихся при авторѣ, возстановлялись потомъ, по черновой рукописи, стихи и цѣлыя строфы, зачеркнутыя имъ и очевидно ненужныя.

Всякому дорого свое, и я не желалъ бы, чтобъ случилось что нибудь подобное съ моими стихотвореніями. Поэтому я рѣшился самъ пересмотрѣть старые журналы, газеты и отдѣльныя брошюры (*), въ которыхъ, начиная съ 1838 года, помѣ-

(*) Тетрадки съ дѣтскими упражненіями я уничтожилъ; въ альбомы не писывалъ; экспромтовъ не говаривалъ.

щалъ я свои первые опыты, и напечатать въ приложеніяхъ къ моимъ стихотвореніямъ то́, что окажется сколько нибудь характернымъ, адресуя теперь же къ моимъ роднымъ и гг. библіографамъ мою покорнѣйшую просьбу: *не перепечатывать ничего остальнаго, послѣ моей смерти.*

На первый разъ помѣщаю здѣсь нѣсколько юмористическихъ стихотвореній 1842—45 годовъ. Можетъ быть, приложу что-нибудь еще при слѣдующей, четвертой части.

Н. Некрасовъ.

14 мая, 1864.
Спб.

---

* * *

Стишки! стишки! давно-ль и я былъ геній?
Мечталъ.... не спалъ.... пописывалъ стишки?
О вы, источникъ столькихъ наслажденій,
Мои литературные грѣшки!
Какъ дѣльно, какъ благоразумно-мило
На васъ я годы лучшіе убилъ!
Въ моей душѣ немного силы было,
А я и ту безплодно расточилъ!
Увы!... стиховъ слагатели младые,
Съ кѣмъ я дѣлилъ и трудъ мой, и досугъ,
Вы, люди милые, поэты преплохіе,
Вамъ измѣнилъ вашъ недостойный другъ!...
И вы... какъ много васъ ужь — слава небу — сгибло...
Того хандра, того жена зашибла,
Тотъ самъ колотитъ бѣдную жену,
И спину гнетъ другой.... а въ старину?
Какъ гордо мы на будущность смотрѣли!
Какъ ревностно бездѣйствовали мы!
«Избранники небесъ», мы пѣли, пѣли,

И пѣснями пересоздать умы,
Перевернуть дѣйствительность хотѣли,
И мнилось намъ, что трудъ нашъ не пустой,
Не дѣтскій бредъ, что съ нами самъ Всевышній
И близокъ часъ блаженно-роковой,
Когда нашъ трудъ благословитъ нашъ ближній!
А между тѣмъ дѣйствительность была
По-прежнему безвыходно пошла,
Не убыло ни горя, ни пороковъ —
Смѣшонъ и дикъ былъ пѣтушиный бой
Непонимающихъ толпы пороковъ
Съ невнемлющей пророчествамъ толпой!
И «ближній нашъ» все тѣмъ же глазомъ видѣлъ,
Все также близоруко понималъ,
Любилъ корыстно, пошло ненавидѣлъ,
Безславно и безсмысленно страдалъ,
Пустыхъ страстей пустой и праздный грохотъ
По-прежнему движенье замѣнялъ
И не смолкалъ тотъ сатанинскій хохотъ,
Который въ сѣнь холодную могилъ
Отцовъ и дѣдовъ нашихъ проводилъ!...

1845.

ЧИНОВНИКЪ

ЧИНОВНИКЪ

Какъ человѣкъ разумной середины
Онъ многаго въ сей жизни не желалъ:
Передъ обѣдомъ пилъ настойку изъ рябины
И чихиремъ обѣдъ свой запивалъ.
У Кинчерфа (*) заказывалъ одежду,
И съ давнихъ поръ (простительная страсть,
Питалъ въ душѣ далекую надежду
Въ коллежскіе ассесоры попасть, —
За тѣмъ, что былъ онъ крови не боярской
И не хотѣлъ, чтобъ въ жизни кто-нибудь
Дѣтей его породой семинарской
Осмѣлился надменно попрекнуть.

(*) Тогдашній портной средней руки.

Былъ съ виду простъ, держалъ себя сутуло,
Смиренно все судьбѣ предоставлялъ,
Предъ старшими подскакивалъ со стула
И въ робость безотчетную впадалъ,
Съ начальникомъ, ни по какимъ причинамъ, —
Гдѣ бъ ни было, — не вмѣшивался въ споръ,
И было въ немъ все соразмѣрно съ чиномъ —
Походка, взглядъ, усмѣшка, разговоръ.
Внимательнымъ, уступчиво-смиреннымъ
Былъ при родныхъ, при тещѣ, при женѣ,
Но поддержать умѣлъ предъ подчиненнымъ
Достоинство чиновника вполнѣ;
Могъ и распечь при случаѣ (распечь-то
Мы впрочемъ всѣ большіе мастера),
Имѣлъ даже значительное нѣчто
Въ бровяхъ...

Теперь тяжелая пора!
Съ тѣхъ дней, какъ сталъ пытливостью разсудка
Тревожно-безпокойнаго — нашъ вѣкъ
Задерживать развитіе желудка,
Уже не тотъ и русскій человѣкъ.
Выводятся раскормленныя туши,
Какъ ни ѣдимъ геройски, какъ ни пьемъ,
И хоть теперь мы также бьемъ баклуши,

Но въ толщину отъ нихъ уже нейдемъ.
И въ наши дни, читатель мой любезной,
Лишь гдѣ-нибудь въ коснѣющей глуши
Найдете вы, по благости небесной,
Приличное вмѣстилище души.

Но мой герой — хоть онъ и шелъ за вѣкомъ —
Больныхъ влiянiй вѣка избѣжалъ
И былъ такимъ, какъ должно, человѣкомъ:
Ни тощъ, ни толстъ. Торжественно лежалъ
Мясистый, двухъ-этажный подбородокъ
Въ воротничкахъ, — но промежутокъ былъ
Межъ головой и грудью такъ коротокъ,
Что параличъ — увы! — ему грозилъ.
Спина была — ужь сказано — горбата
И на ногахъ (шепну вамъ на ушко —
Кривыхъ немножко — нянька виновата!)
Качалося солидное брюшко...

Сиротъ и вдовъ онъ не былъ благодѣтель,
Но нищимъ иногда давалъ гроши,
И называлъ святую добродѣтель
Первѣйшимъ украшенiемъ души.
О ней твердилъ въ семействѣ безпрерывно,
Но не во всемъ ей слѣдовалъ подъ-часъ,

И извинялъ грѣшки свои наивно
Женой, дѣтьми, какъ многіе изъ насъ.

По службѣ велъ дѣла свои примѣрно
И не бывалъ за взятки подъ судомъ,
Но (на жену, какъ водится) въ Галерной
Купилъ давно пяти-этажный домъ.
И радовалъ родительскую душу
Сей прочный домъ — спокойствія залогъ.
И на Ѳому, Ванюшу и Ѳеклушу
Безъ сладкихъ слезъ онъ посмотрѣть не могъ...

Видъ нищеты, разительнаго блеска
Смущалъ его — приличье онъ любилъ.
Отъ всякихъ словъ, произносимыхъ рѣзко,
Онъ вздрагивалъ и тотчасъ уходилъ.
Къ писателямъ враждой — не безпричинной —
Пылалъ... блѣднѣлъ и трясся самъ не свой,
Когда изъ нихъ какой нибудь безчинной
Ласкаемъ былъ чиновною рукой.
За лишнее считалъ ихъ въ мірѣ бремя,
Звалъ книги побасенками: «Читать
«Не то ли же, что̀ праздно тратить время?
«А праздность всѣхъ пороковъ нашихъ мать» —
Такъ говорилъ ко благу подчиненныхъ

(Мысль глубока, хоть и весьма стара
И изо всѣхъ открытій современныхъ
Зналъ только *консоляцію*...

Пора
Мнѣ вамъ сказать, что какъ чиновникъ дѣльной
И совершенно русскій человѣкъ,
Онъ зараженъ былъ страстью той смертельно,
Которой всѣ заражены въ нашъ вѣкъ,
Которая пустить успѣла корни
Въ обширномъ русскомъ царствѣ глубоко
Съ-тѣхъ-поръ, какъ вистъ въ потѣху нашей дворни
Мы отдали... «Пріятно и легко
«Бѣгутъ часы за преферансомъ; право,
«Кто выдумалъ — былъ малый съ головой!»
Такъ иногда, прищурившись лукаво,
Говаривалъ почтенной нашъ герой.
И выше онъ не вѣдалъ наслажденій...
Какъ онъ игралъ?... Серьёзная статья!
Рѣшить вопросъ съумѣлъ-бы развѣ геній,
Но такъ и быть, попробую и я.

Когда обѣдъ оканчивался чинной,
Крестясь, гостямъ хозяинъ руки жалъ
И, приказавъ поставить столъ въ гостиной,

Съ улыбкой добродушной замѣчалъ:
«Что, господа, сразиться бы не дурно?
«Жизнь коротка, а намъ не десять лѣтъ!»
Надъ нимъ неслось тогда дыханье бурно
И — вдохновенъ — онъ забывалъ весь свѣтъ,
Жену, дѣтей; единой преданъ страсти,
Молчалъ какъ жрецъ, бровями шевеля,
И для него тогда въ четыре масти
Сливалось все — и небо, и земля!

Внѣ картъ не зналъ, не слышалъ и не видѣлъ
Онъ ничего, — но помнилъ каждый призъ...
Прижимистыхъ и робкихъ ненавидѣлъ,
Но къ храбрецамъ, готовымъ на ремизъ,
Исполненъ былъ глубокаго почтенья.
При трехъ тузахъ, при дамѣ самъ-четвертъ
Козырной — въ вистъ ходилъ безъ опасенья.
Въ несчастьи былъ, какъ многіе, не твердъ, —
Ощипанной подобенъ куропаткѣ,
Угрюмъ, сердитъ, ворчалъ повѣся носъ,
А въ счастіи любилъ при каждой взяткѣ
Пристукивать и говорилъ: «а что-съ?»

Острилъ, какъ всѣ острятъ или острили,
И замѣчалъ, при выходѣ съ бубёнъ,

«Ну, Петръ Кузьмичъ! не даромъ вы служили
«Пятнадцать лѣтъ — вы знаете законъ!»
Валетовъ, дамъ красивыхъ, но холодныхъ
Пушилъ слегка, какъ всѣ; но никогда
На счетъ тузовъ и прочихъ картъ почетныхъ
Не говорилъ ни слова...

Господа!
Быть можетъ, здѣсь надменно вы зѣвнете,
И повѣсть благонравную мою
Въ подробностяхъ излишнихъ упрекнете...
Отвѣтъ готовъ: не пустяки пою!

Пою, что̀ Русь и тѣшитъ, и чаруетъ,
Что̀ наши дни — какъ средніе вѣка
Крестовые походы — знаменуетъ,
Чѣмъ наша жизнь полна и глубока;
(Я не шучу — смотрите въ оба глаза) —
Чѣмъ отъ «Москвы родной» до Иртыша,
Отъ «финскихъ скалъ» до «грознаго Кавказа»
Волнуется славянская душа!!...

Притомъ, я самъ страсть эту уважаю, —
Я ею самъ восторженно киплю,
И хоть весьма-несчастно прикупаю,

Но вечеровъ безъ картъ я не терплю
И, гдѣ ихъ нѣтъ, постыдно засыпаю...

Что жь дѣлать намъ?... Блаженные отцы
И дѣды наши пировать любили,
Весной садили лукъ да огурцы,
Волковъ и зайцевъ осенью травили,
Ихъ увлекалъ, ихъ страсти шевелилъ
Паратый песъ, статистый иноходецъ;
Ихъ за столомъ, и трогалъ и смѣшилъ
Какой-нибудь наряженный уродецъ.
Они сидѣть любили за столомъ
И было имъ и любо, и доступно
Перепивать другъ друга, и потомъ,
Повздоривши по-русски, дружелюбно
Вдругъ утихать и засыпать рядкомъ.
Но мы забавъ отцовъ не понимаемъ
(Хоть мало — все жь мы ихъ переросли),
Что жь дѣлать намъ?... играть!... и мы играемъ
И благо, что занятіе нашли —
Сидѣть грѣшно и вредно сложа руки...

Въ недѣлю разъ, пресытившись игрой,
Въ театръ Александринскій, ради скуки,
Являлся нашъ почтеннѣйшій герой.

Удвоенной цѣной за бенефисы
Отечественный геній поощрялъ,
Но званіе актера и актрисы
Постыднымъ по преданію считалъ.
Любилъ пальбу, кровавые сюжеты,
Гдѣ при концѣ карается порокъ...
И слушая скоромные куплеты,
Толкалъ жену легонько подъ бочокъ.

Любилъ шепнуть въ антрактѣ плотной дамѣ —
(Всему научитъ хитрый Петербургъ) —
Что страсти и движенье нужны въ драмѣ
И что Шекспиръ — великій драматургъ, —
Но, впрочемъ, не былъ твердо въ томъ увѣренъ
И черезъ часъ другое подтверждалъ,
По службѣ бывъ всегда благонамѣренъ,
Онъ прочее другимъ предоставлялъ.

За то, когда являлася сатира,
Гдѣ авторъ — тунеядецъ и нахалъ —
Честь общества и украшенье міра
Чиновниковъ за взятки порицалъ, —
Свирѣпствовалъ онъ, не жалѣя груди,
Дивился, какъ допущена въ печать
И какъ благонамѣренные люди
Не совѣстятся видѣть и читать.

Съ досады пилъ (сильна была досада!)
Въ удвоенномъ количествѣ чихирь,
И говорилъ, что авторовъ бы надо
За дерзости подобныя — въ Сибирь!...

1844.

НОВОСТИ

(Газетный фельетонъ. 1845.)

*

НОВОСТИ

(Газетный фельетонъ. 1845.)

—

Почтеннѣйшая публика! на дняхъ
Случилося въ столицѣ нашей чудо:
Остался нѣкто безъ пяти въ червяхъ,
Хоть — знаютъ всѣ — играетъ онъ не худо.
О томъ твердитъ теперь весь Петербургъ.
«Событіе внѣ всякаго другаго!»
Трагедію какой-то драматургъ,
На пользу поколѣнья молодаго,
Сбирается состряпать изъ него...
Разумный трудъ! Заслуги, удальство
Похвально пѣть; но все же не мѣшаетъ
Порою и сознаніе грѣховъ,
Затѣмъ, что прегрѣшеніе отцовъ
Для ихъ дѣтей спасительно бываетъ.
Притомъ для насъ не стыдно и легко
Въ ошибкахъ сознаваться — ихъ немного,
А доблестей — какъ милостей у Бога...

Изъ чернаго французскаго трико
Жилеты, шелкомъ шитые, недавно
Вошли въ большую моду: въ самомъ дѣлѣ славно!

Почтенный мужъ шестидесяти лѣтъ
Женился на дѣвицѣ въ девятнадцать
(На дняхъ у нихъ парадный былъ обѣдъ,
Не могъ я къ сожалѣнью отказаться);
Немножко было грустно. Взоръ ея
Сверкалъ, казалось, скрытыми слезами,
И будто что-то спрашивалъ. Но я
Отвыкъ, къ несчастью, тѣшиться мечтами,
И мнѣ ея не жалко. Этотъ взоръ
Унылый, длинный; этотъ вздохъ глубокій —
Кому они? — Любезникъ и танцоръ,
Гремящій саблей, статный и высокій —
Таковъ былъ пансіонскій идеалъ
Моей дѣвицы... Чтожь! распорядился
Иначе случай...

Маскарадъ и балъ
Въ собраньи былъ и очень долго длился.
Люблю я наши маскарады; въ нихъ,
Не говоря о прелестяхъ другихъ,
Образчикъ жизни петербургско-русской,
Такъ ловко передѣланной съ французской.

Уныло мы проходимъ жизни путь,
Могло бы насъ будить одно — искусство,
Но рѣдко намъ разогрѣваетъ грудь
Изъ глубины поднявшееся чувство,
Затѣмъ, что наши русскіе пѣвцы
Всѣмъ хороши, да пѣть не молодцы,
Затѣмъ, что наши русскіе мотивы,
Какъ наша жизнь, и бѣдны, и сонливы
И тяжело однообразье ихъ,
Какъ видъ степей пустынныхъ и нагихъ.

О, скученъ день и дологъ вечеръ нашъ!
Однообразны мѣсяцы и годы,
Обѣды, карты, дребезжанье чашъ,
Визиты, поздравленья и разводы —
Вотъ наша жизнь. Ея постылый шумъ
Съ привычнымъ равнодушьемъ ухо внемлетъ
И въ дѣйствіи пустомъ кипящій умъ
Суровъ и сухъ, а сердце глухо дремлетъ;
И свыкшись съ положеніемъ такимъ,
Другаго мы какъ будто не хотимъ,
Возможность исключеній отвергаемъ
И словно по профессіи зѣваемъ...
Но — скучны отступленія!

Чудакъ,

Знакомый мнѣ, въ прошедшую субботу
Сошелъ съ ума... А былъ онъ не дуракъ,
И тысячъ сто въ годъ получалъ доходу.
Спокойно жилъ, доволенъ и здоровъ,
Но обошли его по службѣ чиномъ,
И вдругъ уныль, задумчивъ и суровъ,
Онъ сталъ страдать славяно-русскимъ сплиномъ;
И наконецъ въ одинъ прекрасный день,
Тайкомъ отъ всѣхъ, одѣвшись на изнанку
Въ отличія не свойственныя рангу,
Пошелъ бродить по улицамъ, какъ тѣнь,
Да и пропалъ. Нашли на третьи сутки,
Когда сынкомъ какой-то важной утки
Ужь онъ себя въ припадкахъ величалъ
И въ совершенствѣ кошкою кричалъ,
Стараясь всѣхъ увѣрить въ то же время,
Что чинъ большой есть тягостное бремя,
И служитъ онъ, ей-ей, не для себя,
Но только благо общее любя...

Исторія другая, въ томъ же родѣ
Съ однимъ примѣрнымъ юношей была:
Женился онъ для денегъ на уродѣ,
Она — для денегъ за него пошла,
И чтожь? — о срамъ! о горе! — *оказалось*,
Что имъ обоимъ *только показалось;*

Она была какъ нищая бѣдна,
И бѣденъ былъ онъ также какъ она.
Не вынесъ онъ нежданнаго удара
И впалъ въ хандру; въ чахоткѣ слегъ въ постель,
И не прожить ему пяти недѣль.
А нѣжный тесть, неравнодушно глядя
На муки завербованнаго зятя
И положенье дочери родной,
Винитъ во всемъ «натуришку гнилую»,
И думаетъ: «для дочери другой
Я женишка покрѣпче завербую.»

Собачка у старухи Хвастуновой
Пропала, а у скряги Сурмина
Бѣжала гувернантка — ищетъ новой.
О томъ и о другомъ извѣщена
Столица чрезъ извѣстную газету;
Явилось тотчасъ разныхъ свойствъ и лѣтъ
Тьма гувернантокъ, а собаки нѣтъ.

Почтенный и любимый господинъ,
Прославившійся ёмкостью желудка,
Безмѣрнымъ истребленьемъ всякихъ винъ
И иступленной тупостью разсудка,
Объѣлся и скончался... Былъ на дняхъ
Весь городъ на его похоронахъ.

О доблестяхъ покойника рыдая,
Какой-то другъ три рѣчи произнесъ,
И было много толковъ, много слезъ,
Потомъ была пирушка — и большая!
На голову обжоры не похожъ,
Былъ полонъ погребъ дорогихъ бутылокъ,
И длился до заутрени кутежъ...
При дребезгѣ ножей, бокаловъ, вилокъ
Припоминали добрыя дѣла
Покойника, хоть ихъ, признаться, было
Весьма немного; но обычай милой
Святая Русь до нынѣ сберегла:
Ко всякому почтенье за могилой —
Вѣдь мертвый намъ не можетъ сдѣлать зла!
Считается напомнить неприличнымъ,
Что тамъ-то онъ ограбилъ сироту,
А вотъ тогда-то пойманъ былъ съ поличнымъ.
За то добра малѣйшую черту
Тотчасъ съ большой горячностью подхватятъ
И разовьютъ такъ истинно скорбя,
Какъ будто тѣмъ скончавшемуся платятъ
За то, что ихъ избавилъ отъ себя!
Поговоривъ — нечаянно напьются,
Напившися — слезами обольются,
И въ эпитафіи напишутъ: «человѣкъ
Онъ былъ такой, какіе нынѣ рѣдки!

И такъ у насъ идетъ изъ вѣка въ вѣкъ,
И съ нами такъ поступятъ наши дѣтки...

Литературный вечеръ былъ; на немъ
Происходило чтенье. Важно, чинно
Сидѣли сочинители кружкомъ
И наслаждались мудростью невинной
Отставшей знаменитости. Потомъ
Одинъ весьма достойный сочинитель
Тетрадищу поспѣшно развернулъ,
И три часа — о извергъ, о мучитель!
Читалъ, читалъ и — даже самъ зѣвнулъ,
Не говоря о жертвахъ благосклонныхъ,
Съ четвертой же страницы усыпленныхъ.
Ихъ разбудилъ восторженный поэтъ;
Онъ съ мѣста всталъ торжественно и строго,
Глаза горятъ, въ рукахъ тетради нѣтъ,
Но въ головѣ такъ много, много, много...
Рѣкой лились гремучіе стихи,
Руками онъ махалъ какъ изступленной.
Слыхалъ я въ жизни много чепухи
И много дичи видѣлъ во вселенной,
А потому я не былъ удивленъ...
Цѣнителей толпа рукоплескала,
Младой поэтъ отвѣсилъ имъ поклонъ
И все прочелъ торжественно сначала.

Затѣмъ какъ разъ и къ дѣлу приступить
Пришла пора. Къ несчастью, ѣсть и пить
Въ тотъ вечеръ я не чувствовалъ желанья
И вонъ ушелъ тихонько изъ собранья.
А пили долго, говорятъ, потомъ
И говорили горячо о томъ,
Что движемся мы быстро съ каждымъ часомъ
И дурно, къ сожалѣнью, въ насъ одно,
Что небрежемъ отечественнымъ квасомъ
И любимъ иностранное вино.

На петербургскихъ барынь и дѣвицъ
Напалъ недугъ свирѣпой и великой:
Вскружился міръ чиновницъ полудикой
И міръ ручныхъ, но недоступныхъ львицъ.
Почто сія на лицахъ всѣхъ забота?
Почто сей шумъ, волненіе умовъ?
Отъ Невскаго до Козьяго болота
Отъ Козьяго болота до Песковъ,
Отъ пестрой и роскошной Миліонной
До Выборгской унылой стороны, —
Чѣмъ занятъ умъ мужей неугомонно?
Чѣмъ души женъ и дѣвъ потрясены??
Всѣ женщины, отъ пресловутой Ольги
Васильевны, купчихи въ сорокъ лѣтъ
До той, которую воспѣлъ поэтъ

(Его ужь нѣтъ) помѣшаны на полькѣ!
Предчувствіе явленія ея
Въ атмосферѣ носилося заранѣ.
Она теперь у всѣхъ на первомъ планѣ
И въ жизни нашей главная статья;
О ней и межъ великими мужами
Нерѣдко пренья, жаркій споръ кипитъ,
И старецъ, убѣленный сѣдинами,
О ней съ одушевленьемъ говоритъ.
Она въ одной сорочкѣ гонитъ съ ложа
Во тьмѣ ночной прелестныхъ нашихъ дѣвъ
И дѣва пляшетъ, общій сонъ тревожа,
А горничная, барышню раздѣвъ,
Въ своей коморкѣ производитъ тоже.
Достойнѣйшій сынъ вѣка своего,
Пустѣйшій франтъ, исполненъ гордой силой,
Ей преданъ безъ границъ, — и для него
Средины нѣтъ межъ полькой и могилой!
Проникнувшись великостью труда
И важностью предпринятаго дѣла,
Какъ гладіаторъ въ древніе года,
Съ ней борется онъ ревностно и смѣло...
Когда бъ вы не были, читатель мой,
Аристократъ, и побывать въ танцклассѣ
У Кессенихъ рѣшилися со мной,
Оттуда вы вернулись бы въ экстазѣ

Съ утѣшенной и бодрою душой.
О юношество милое! Тебя ли
За хилость и недвижность упрекнуть?
Не умерли въ тебѣ и не увяли
Младыя силы, не зачахла грудь,
И сила тамъ кипитъ твоя просторно,
Гдѣ все тебѣ по сердцу и покорно.
И, гордое могуществомъ своимъ,
Довольно ты своею скромной долей:
Твоимъ порывамъ смѣлымъ и живымъ
Такое нужно поприще — не болѣ,
И тратишь ты среди такихъ тревогъ
Души всю силу и всю силу ногъ...

ГОВОРУНЪ

ЗАПИСКИ ПЕТЕРБУРГСКАГО ЖИТЕЛЯ

А. Ѳ. Бѣлопяткина

ГОВОРУНЪ (1)

ГЛАВА I

Двѣ строчки точекъ. — Раздумье. — Эѳиръ и канцелярія. — Нѣсколько автобіографическихъ свѣдѣній. — Нѣчто о супругѣ моей, Агафьѣ Леопардовнѣ. — Вступленіе. — О Санктпетербургѣ. — Пріятности столичной жизни. — Шарманщикъ и шарманка. — Литература. — Иллюстрированныя изданія. — Большой театръ. — Дѣвица «Жизель». — Люція Гранъ. — «Русланъ и Людмила» — Египетская магія. — Московскіе цыгане. — Груша, Матрена и я. — О томъ, какая исторія случилась съ Гостинымъ дворомъ. - Заключеніе.

(1842)

I

Да, новый годъ! . . .

. . . . . .

. . . Я преданъ сокрушенію,
Не пьется мнѣ, друзья:
Міръ ближе къ разрушенію,
Къ могилѣ ближе я.
Льдомъ жизненнаго холода
Не сковано еще, —

Въ васъ сердце, други, молодо,
Свѣжо и горячо.
Еще вамъ свѣтъ корыстію
Разсудка не растлилъ
И жизни черной кистію
Злой рокъ не зачернилъ.
За счастьемъ безбоязненно
Пока вы мчитесь вдаль
И гостьей непріязненной
Не ходитъ къ вамъ печаль.
Увы!... она пробудится:
Часъ близокъ роковой!
И съ вами тоже сбудется,
Что сталося со мной:
Въ дни возраста цвѣтущаго
Я также былъ готовъ
Взять грудью у грядущаго
И славу, и любовь,
Кипѣлъ чудесной силою
И рвался все къ тому,
Чего душой остылою
Теперь и не пойму.
Въ житейскихъ треволненіяхъ
Терпѣлъ и стыдъ, и зло
И видѣлъ въ сновидѣніяхъ
Въ вѣнкѣ свое чело.

Любилъ — и имя чудное
Въ отчаяньи твердилъ, —
То было время трудное:
Насилу пережилъ!

II

Когда восторгъ лирическій
Въ себѣ я пробужу,
Я вамъ біографическій
Портретъ свой напишу.
Тогда вы все узнаете, —
Какъ глупъ я прежде былъ,
Мечталъ, какъ вы мечтаете,
Душой въ эѳирѣ жилъ,
Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарію, —
И какъ родитель мой
Съ эѳира въ канцелярію
Столкнулъ меня клюкой.
Какъ гордъ преуморительно
Я въ новомъ былъ кругу,
И какъ потомъ почтительно
Сталъ гнуть себя въ дугу.
Какъ прежде чѣмъ освоился
Со службой, все краснѣлъ,
А послѣ успокоился,
Окрѣпъ и потолстѣлъ.

Какъ гнаться сталъ за деньгами,
Изрядно нажился,
Дѣтьми и деревеньками,
И домомъ завелся...

III

Но счастье скоротечное
Измѣнчиво и зло!
Друзья мои сердечные,
Не вѣчно мнѣ везло!
Терплю бѣду великую
Съ семейной стороны:
Я взялъ тигрицу дикую
Во образѣ жены...
Но что впередъ печалиться?
Покуда погожу...
Навѣрно всякій сжалится,
Какъ все перескажу.
Большой портретъ къ изданію
Списать съ себя велю
И въ Великобританію
Гравировать пошлю.
Какъ скоро онъ воротится,
Явлюсь на судъ людской,
Безъ галстуха, какъ водится,
Съ небритой бородой.

IV

Чтобъ дни мои смиренные
Въ несчастьи коротать,
Записки современныя
Рѣшился я писать.
Дворянство и купечество
И всѣхъ другихъ чиновъ
И званій человѣчество
Я видѣлъ безъ очковъ.
Какъ міръ земной вращается,
Гдѣ тихо, гдѣ содомъ, —
Все мною замѣчается,
Сужу я обо всемъ.
Болтать мнѣ утѣшительно,
И публику прошу
Всѐ слушать снисходительно,
Что я ей разскажу.

V

Столица наша чудная
Богата черезъ край,
Житье въ ней нищимъ трудное,
Милліонерамъ — рай.
Здѣсь всюду наслажденія
Для сердца и очей.

Здѣсь все безъ исключенія
Возможно для людей·
При деньгахъ вдвое вырости,
Чертовски разжирѣть,
Отъ голода и сырости
Безъ денегъ умереть,
(Гдѣ розы, тамъ и терніи —
Таковъ законъ судьбы!
Бѣднякъ живи въ губерніи:
Тамъ дешевы грибы).
Съ большими здѣсь и съ малыми
Въ одномъ дому живешь,
И рядомъ съ генералами
По Невскому идешь.
Захочешь позабавиться, —
Берешь газетный листъ,
Задумаешь прославиться, —
На то есть журналистъ:
Хвалы онъ всѣмъ славнѣйшія
Печатно раздастъ,
И какъ — душа добрѣйшая —
Не дорого беретъ!
Чего бъ здѣсь не увидѣли,
Чего бы не нашли?
Портные, сочинители,
Купцы со всей земли,

Найлучшіе сапожники,
Актеры, повара,
Съ шарманками художники
Такіе, что — ура!...
Я въ нихъ влюбленъ рѣшительно
И здѣсь ихъ воспою...

VI

Поютъ преуморительно
Они галиматью.
Прикрывъ одеждой шкурочку
Для смѣха и красы,
Съ мартышками мазурочку
Выплясываютъ псы,
И самъ въ минуту пьяную,
По страсти иль нуждѣ,
Шарманщикъ съ обезьяною
Танцуетъ *падеде*.
Все скачетъ, все волнуется,
Какъ будто маскарадъ.
А русскій людъ любуется,
«Какъ нѣмцы-то хитрятъ!»
Да, сильны ихъ познанія,
Ихъ ловкость мудрена...
Дѣйствительно Германія
Ученая страна!

(Захочешь продолженія
Описанныхъ чудесъ, —
Ступай на представленіе
Прославленныхъ піесъ).

VII

Придетъ охота страстная
За чтеніе засѣсть —
На то у насъ прекрасная
Литература есть.
Цѣпями съ модой скованный,
Измѣнчивъ человѣкъ —
Насталъ *иллюстрированный*
Въ литературѣ вѣкъ.
Съ тѣхъ поръ какъ шутка съ «Нашими»
Пошла и удалась,
Тьма книгъ съ политипажами
Въ столицѣ развелась.
Увидишь тутъ Суворова,
(Извѣстный былъ герой),
Исторію котораго
Состряпалъ Полевой.
Одѣтаго какъ барина,
Во всей его красѣ,
Увидишь тутъ Булгарина,
Въ бекешѣ, въ картузѣ.

Различныхъ тутъ по званію
Увидишь ты гулякъ,
И цѣлую компанію
Салопницъ и бродягъ.
Рисунки чудно слажены,
Въ нихъ каждый штрихъ хорошъ,
Иные и раскрашены:
Ну, нехотя возьмешь!
Изданья тоже славныя, —
Бумага такъ бѣла, —
Но часто презабавныя
Выходятъ тутъ дѣла.
Чѣмъ книга нашпигована,
Постигнуть нѣтъ ума:
Въ ней все иллюминовано,
А въ текстѣ — мракъ и тьма!
Въ рисункахъ отличаются
Клотъ, Тиммъ и Нетельгорстъ,
Всѣ ими восхищаются...
Художественный перстъ!

VIII

Когда бѣда случилася
И хочешь, чтобъ въ груди
Веселье пробудилося, —
Въ Большой Театръ иди.

Такъ ножки разлетаются,
Такъ зала тамъ блеститъ,
Такъ платья развѣваются, —
Величественный видъ!...
Охъ!... много съ трубкой зрительной
Тутъ можно увидать!
Ее бы «подозрительной»
Приличнѣй называть.
Недавно тамъ поставили
Чудесную «Жизель»
И въ ней плясать заставили
Пріѣзжую мамзель.
Прекрасно! восхитительно!
Виватъ, дѣвица Гранъ!
Въ партерѣ всѣ рѣшительно
Кричали: *«се шарманъ!»*
Во мнѣ зажглася за-ново
Поэзіей душа...
А впрочемъ Андреянова
Тутъ тоже хороша!

IX

Въ душѣ моей остылую,
Лишенную всѣхъ силъ,
«Русланомъ и Людмилою»
Жизнь Глинка разбудилъ.

Поэма музыкальная
Исполнена красотъ,
Но самое печальное
Либретто: уши рветъ!
Отмѣнно мнѣ понравилась
Полкана голова:
Едва въ театръ уставилась
И горломъ здорова!
Искусно всѣмъ украшена —
Отъ глазъ и до усовъ.
Какъ слышалъ я, посажено
Въ ней нѣсколько пѣвцовъ —
(Должно быть для политики,
Чтобъ пѣть ея слова)
Не скажутъ тутъ и критики:
«Пустая голова!»...

X

Извелъ бы десть бумаги я,
Чтобъ только описать,
Какую Боско магію
Умѣетъ представлять.
Ломалъ онъ вещи цѣлыя
На мелкія куски,
Вставлялъ середки бѣлыя
Въ пунцовые платки,

Богъ-вѣсть куда забрасывалъ
И кольца, и перстни
И такъ смѣшно разсказывалъ,
Гдѣ явятся они.
Ну словомъ: Боско рублики,
Какъ фокусникъ и враль,
Выманивалъ у публики
Такъ *ловко*, что не жаль!

XI

Въ замѣнъ его пріѣхали
Цыганы изъ Москвы, —
Скажите, не потѣха ли?...
Не знаю, какъ-то вы,
А я, тогда ихъ слушаю,
Дыханье затая,
Чуть самъ невольно съ *Грушею*
Не гаркну «Соловья».
Разъ собственной персоною,
Забывъ лѣта и классъ,
Я съ пляшущей *Матреною*
Пустился было въ плясъ!

XII

Проѣхавъ мимо нашего
Гостинаго двора,

Я чуть, задѣтый заживо,
Не закричалъ: ура!
Бывало, день колотишься
На службѣ такъ и сякъ,
А чуть домой воротишься,
Поѣшь — и день изсякъ:
Нѣтъ входа въ лавки русскія!
Берешь жену и дочь
И ѣдешь во французскія, —
Гдѣ грабятъ день и ночь.
Теперь — о восхищеніе
Для сердца и для глазъ! —
Въ Гостиномъ освѣщеніе:
Проводятъ въ лавки газъ!
Ликуй все человѣчество!
Рѣшилось, въ пользу дамъ,
Россійское купечество
Сидѣть по вечерамъ, —
И газъ распространяется
Скорёхонько съ тѣхъ поръ:
Ну, точно просвѣщается
У насъ Гостиный Дворъ!

Рука не разгибается,
Не вяжутся слова:
Умаялся!... Кончается
Здѣсь первая глава...

ГЛАВА II

Нѣтъ счастья подъ луной. — Романсъ. — Безъ трехъ въ червяхъ. — Страшный обѣтъ. — Путешествіе въ департаментъ. — Свѣтлое воскресеніе. — Патріархальная жизнь. — Великій постъ. — Петербургскія новости. — Рубини. — Его концерты. — Оперы: Отелло, Луція и пр. — Листъ. — Конское ристалище Сулье. — Арабы. — Скачущія мамзели. — Нѣкоторыя любопытныя и достовѣрныя извѣстія о китѣ. — О погодѣ, — О печальномъ расположеніи духа, въ которомъ находится г-нъ Бѣлопяткинъ, и о причинахъ того. — Звѣздочка. — Банкъ. — Путешествіе по Невскому проспекту въ двѣнадцатомъ часу ночи. — Предсмертный пріютъ. — Биліардъ. — Заключеніе. — Читатели. — Критики. — Баронъ Брамбеусъ, комета и г-нъ Бѣлопяткинъ.

(1842)

—

I

. . . .

. . . .

Недаромъ люди плакали,
Роптали на судьбу.
Сочувствую ихъ ропоту
Растерзанной душой,
Я самъ узналъ по опыту —
Нѣтъ счастья подъ луной!

Какой предосторожности
Въ поступкахъ ни держись,
Формально нѣтъ возможности
Отъ жребія спастись.
Будь баринъ по сословію,
Прикащикъ, землемѣръ,
Заставитъ плакать кровію —
Я самъ тому примѣръ?

II

На дняхъ у экзекутора,
Чтобъ скуку разогнать,
Рублишка по полутора
Засѣли мы играть.
Довольно флегматически
Тянулся преферансъ;
Вдругъ въ залѣ поэтическій
Послышался романсъ;
Согрѣтъ одушевленіемъ,
Былъ голосъ такъ хорошъ,
Я слушалъ съ восхищеніемъ,
Забылъ весь міръ... и чтожъ?...
Ошибкою малѣйшею
Застигнутый врасплохъ,
Въ червяхъ игру сквернѣйшую
Съигралъ и — былъ безъ трехъ!

Хотя въ душѣ нотацію
Себѣ я прочиталъ,
Но тутъ-же консоляцію
Сосѣдъ съ меня взыскалъ.
Другіе два пріятеля
Огромные кресты
На бѣднаго мечтателя
Черкнули за висты.
Въ тотъ вечеръ ужь малинника
Въ глаза я не видалъ.
Сто тридцать два полтинника
Съ походомъ проигралъ!...
Охъ, пылкія движенія
Чувствительной души!
Отъ васъ мнѣ нѣтъ спасенія
Въ убытокъ — барыши!
Пропѣтый восхитительно,
Сгубилъ меня романсъ,
Впередъ играть рѣшительно
Не буду въ преферансъ!
Пусть съ нимъ кто хочетъ водится,
Я — правилами строгъ:
Въ немъ взятки брать приходится —
Избави меня Богъ!
Занятьемъ этимъ втянешься
Пожалуй въ грѣхъ такой,

Что, чортъ возьми! останешься
По службѣ безъ одной!

III

Только дѣло какъ ранехонько
Пробудишься, зѣвнешь —
На цыпочкахъ, тихохонько
Изъ спальни улизнешь,
(Пока еще пронзительно
Жена себѣ храпитъ)
Побрѣешься рачительно,
Приличный примешь видъ.
Смиривъ свою амбицію,
За лѣностью слуги,
Почистишь аммуницію
И даже сапоги.
Жилетку и такъ далѣе
Надѣнешь, застегнешь,
Прицѣпишь всѣ регаліи,
Стаканъ чайку хлебнешь.
Дѣла какія-бъ ни были
Захватишь, и какъ мышь,
Согнувшись въ три погибели,
На службу побѣжишь...
Начальнику почтеніе,
Товарищамъ поклонъ

И въ мигъ за отношеніе —
Ничѣмъ не развлеченъ!
Молчанія степеннаго
День цѣлый не прервешь,
Лишь кстати подчиненнаго
Прилично распечешь,
Да развѣ снисходительно
Подшутитъ генералъ,
Тогда мы всѣ рѣшительно
Хохочемъ на поваль!
(Ужь такъ издавна водится
Да такъ и должно быть:
Намъ, право, не приходится
Предъ старшими мудрить!)
Его превосходительство
Добрѣйшій генералъ,
Онъ много покровительства
Мнѣ въ службѣ оказалъ...

IV

Я съ часъ предъ умывальникомъ
Мучительный провелъ,
Когда съ своимъ начальникомъ
Христосоваться шолъ,
Умылся такъ рачительно,
Чуть кожу не содралъ,

Зато какъ снисходительно
Меня онъ лобызалъ!
Далъ слово мной заботиться,
Жалъ руку горячо,
А я его, какъ водится,
И въ брюхо, и въ плечо!
Вотъ жизнь патріархальная,
Вотъ служба безъ химеръ.
О, юность либиральная!
Бери съ меня примѣръ!...

V

Я въ постъ какъ бы на станціи
Задержанный скучалъ,
Да къ счастію изъ Франціи
Рубини прискакалъ.
Отъ чувства безотчетнаго
Вдругъ всякій присмирѣлъ,
Какъ въ залѣ Благороднаго
Собранья онъ запѣлъ.
На голову курчавую,
Во всѣхъ концахъ земли
Увѣнчанную славою,
Всѣ взоры навели
И звуки изумрудные
Впивали жадно въ грудь.

То были звуки чудные:
Онъ пѣлъ не какъ нибудь!
Высокое художество
И выразить нѣтъ словъ!
Я слышалъ въ жизни множество
Отличнѣйшихъ пѣвцовъ,
Съѣзжаются на старости
Сюда со всѣхъ сторонъ,
Ревутъ какъ волки въ ярости,
А все не то, что́ онъ!
Начнетъ въ четыре голоса,
Зальется какъ рѣка,
А кончитъ тоньше волоса,
Нѣжнѣе вѣтерка.
По свѣту благодарному
Объ немъ не даромъ гулъ:
Мнѣ даже, титулярному,
Онъ сердце шевельнулъ!

VI

Идешь ли въ канцелярію,
Уходишь ли отъ дѣлъ,
Поешь невольно арію,
Которую онъ пѣлъ.
Выходитъ безтолковица,
А думаешь, что такъ.

Другой пріостановится
И скажетъ: «вотъ дуракъ!»
Отелло, мавра дикаго,
Такъ чудно онъ съигралъ,
Что имъ однимъ великаго
Названіе стяжалъ!
Когда игралась *Лючія*,
Я пролилъ рѣки слезъ:
На верхъ благополучія
Пѣвецъ меня вознесъ!

VII

(Какъ все по службѣ сдѣлаю, —
Нарочно поспѣшу, —
О Листѣ книгу цѣлую
Тогда вамъ напишу).

VIII

Какъ всѣ, страстей игралище,
Покинувъ кучу дѣлъ,
На конское ристалище
Намедни я смотрѣлъ.
Шталмейстера турецкаго
Заслуга велика:
Верхомъ онъ молодецкаго
Танцуетъ трепака.

Арабы взоры радуютъ
Отважностью своей,
Изрядно также падаютъ
Мамзели съ лошадей.
Ристалище престранное,
По новости своей,
А впрочемъ балаганныя
Ихъ штуки веселѣй.
Начальникъ представленія
Сулье, красивъ и прямъ,
Приводитъ въ восхищеніе
Въ особенности дамъ.
Донынѣ свѣтъ штукмейстера
Такого не видалъ:
Достоинство шталмейстера
Недаромъ онъ стяжалъ.

IX

Прилежно я окидывалъ
Заморскаго кита.
Не мало въ жизни видывалъ
Я разнаго скота,
Но страшнаго, по совѣсти,
Такого не видалъ,
Однажды только въ повѣсти
Брамбеуса читалъ.

Такой звѣрокъ — сокровище!
Аршиновъ сто длина,
Усищи у чудовища
Какъ будто два бревна
Хвостъ длинный удивительно,
Башка — что̀ цѣлый домъ,
Возможно все рѣшительно
Въ немъ дѣлать и на немъ:
Плясать безъ затрудненія
На брюхѣ контрадансъ,
А въ брюхѣ безъ стѣсненія
Сражаться въ преферансъ!
Столь грузное животное
Къ намъ трудно было ввезть;
За то весьма доходное,
Да и не проситъ ѣсть.
Дерутъ за разсмотрѣніе
Полтинникъ, четвертакъ.
А взглянешь — наслажденіе
Почувствуешь въ пятакъ!

X

Вотъ май... Всѣ разъѣзжаются
По дачамъ, отдохнуть...
Больные собираются
Къ водамъ, въ далекій путь.

Лишь я одинъ, тревогою
Измученный, грущу.
Душевныхъ ранъ не трогаю
И сердца не лечу.
Изведалъ ужь не мало я
Житейской суеты...
Ахъ, молодость удалая!
Куда исчезла ты?
Бывало лето красное
Мне счастіе несло:
На сердце радость ясная,
Безоблачно чело!
Светила мне незримая
Звезда изъ далека,
Грудь, страстью шевелимая,
Вздымалась какъ река.
Тогда за что ни схватишься —
Все съ жаромъ; хоть порой
И дорого поплатишься,
За то живешь душой!
Бывало заиграешься —
Огромный ставишь кушъ,
Дадутъ — не отгибаешься,
Какъ будто триста душъ!
Не мысли о погибели,
Радъ самъ себя на *пе*,

Согнувши въ три погибели,
Пустить, на зло судьбѣ.
До тла пропонтируешься,
Повѣся носъ уйдешь,
На всѣхъ день цѣлый дуешься,
А тамъ — опять за то-жь.
Бывало за хорошенькой
Верстъ десять пробѣжишь,
Пристукиваешь ноженькой
Да въ уши ей жужжишь:
«Куда идти изволите,
«Куда вы, ангелъ мой?
«Что пальцы вы мозолите,
«Поѣдемте со мной?...»
Теперь... увы! — безжизненно
На цѣлый міръ глядишь,
Живешь безукоризненно —
Страстями не кипишь.
Забывши и поэзію,
И карты, и дебошъ,
По утру ѣшь магнезію,
Микстуру на ночь пьешь,
Нейдутъ на разумъ граціи...

XI

Кончаю, скроменъ, тихъ,
У Лерхе въ ресторацін
Остатокъ дней моихъ
Изъ службы въ биліардную
Прямёхонько иду,
Игру тамъ не азартную,
Но скромную веду.
Тамъ члены все отличные,
Хохочутъ и острятъ,
Исторіи различныя
Другъ другу говорятъ.
Никто тамъ не заносится,
Играемъ чередой,
И геній Тюри носится
Надъ каждой головой...

XII

Здѣсь будетъ заключеніе
Второй моей главы.
И такъ мое почтеніе,
Читатель добрый. Вы
Цѣнитель снисходительной,
Я знаю васъ давно.
А, впрочемъ, мнѣ рѣшительно,

Повѣрьте, все равно.
За опыты въ піитикѣ
Я не прошу похвалъ.
Пускай иные критики
Отхлещутъ на-повалъ —
Ей Богу не посѣтую!
Свое я получилъ:
Брамбеусъ самъ съ кометою
За умъ меня сравнилъ.

ГЛАВА III

(Безъ оглавленія. 1845)

—

Мотивы италья́нскіе
Мнѣ не даютъ заснуть
И страсти африканскія
Волнуютъ кровь и грудь:
Все грезятся балкончики,
И искры черныхъ глазъ
Сверкаютъ какъ червончики
Въ день по сту тысячъ разъ.
Отбою нѣтъ отъ думушки:
Эхъ! жизнь моя!... увы!...
Зачѣмъ женили, кумушки,
Меня такъ рано вы!
На свѣтѣ много водится
Красавицъ, и какихъ!
А намъ любить приходится
Курносыхъ и рябыхъ.
Что за красотка «Боржія»!...
Мѣнялся весь въ лицѣ

И даже (не топоръ же я!)
Заплакалъ при концѣ;
Во всемъ талантъ, гармонія...
Видалъ немного лицъ
Такихъ, какъ у Альбони, я —
Пѣвица изъ пѣвицъ.
Въ умѣ производящая
Содомъ и кутерьму,
Такъ много говорящая
И сердцу, и уму;
Высокая и бѣлая,
Красива и ловка
И ужь заматерѣлая —
Не скажешь, что жидка!
Избытки даже лишніе
Замѣтны въ ней души,
И верхнія и нижнія
Всѣ ноты хороши!...

Чтобъ только пѣть какъ Гарція
И удивлять весь свѣтъ —
Не пожалѣлъ бы гарца я
Серебряныхъ монетъ.
На мигъ заботы вѣчныя
Смолкаютъ, не томятъ,
И струны всѣ сердечныя

Въ груди дрожатъ, звучатъ —
Звучатъ въ отвѣтъ чудесницѣ.
Могуча и легка,
Душа какъ бы по лѣстницѣ
Восходитъ въ облака.
А міра треволненія —
Служебный весь содомъ,
Начальникъ отдѣленія
Съ запуганнымъ лицомъ,
Скучнѣйшія нотаціи
Ревнующей жены,
Червонцы, ассигнаціи
И самые чины —
Все въ мелочь и ничтожество
Тотчасъ обращено...
Чего бы ужь художество
И дѣлать не должно!
Подобныя влеченія
Въ невѣдомый предѣлъ
Ввергаютъ въ упущенія
Житейскихъ нашихъ дѣлъ.
Отъ итальянской аріи,
Исполненной красотъ,
Къ занятьямъ канцеляріи
Трудненекъ переходъ;
Спокойствіе смѣняется

Тревогою души,
И вовсе страсть теряется
Сколачивать гроши.
Но лишь предосторожности
Во время сто́итъ взять, —
Какъ не найти возможности
Всему противустать?
На то и волю твердую
Далъ человѣку Богъ,
Чтобъ кстати душу гордую
Воздерживать онъ могъ...
Вотъ мнѣ ничто рѣшительно
Не помѣшаетъ спать,
Ни счетъ вести рачительно
Ни даже... взятки брать —
(Не то чтобы съ просителей,
А въ картахъ... что сорвешь
Съ столичныхъ нашихъ жителей?.
Голь продувная сплошь!)
А все же я признаюся,
Что Гарціей порой
Такъ сильно восхищаюся,
Что слезы лью рѣкой.
Растрогаетъ татарина!
Такъ хорошо поетъ,
Что даже у Фиглярина

Ругательствъ не стастъ;
Глаза большіе, черные
И столько въ нихъ огня...
Жаль — силы стихотворныя
Слабеньки у меня;
А будь-ка краснорѣчіе!...
Но про меня и такъ
Трубитъ давно злорѣчіе,
Что будто я дуракъ.
Молчу! Гдѣ намъ подобные
Предметы воспѣвать:
Мы дураки, способные
Взятчонки только брать!
Надъ нами сочинители
Смѣются въ повѣстяхъ...
А чѣмъ мы ихъ обидѣли?
Будь я въ большихъ чинахъ,
Тотчасъ благоразуміе
Внушилъ бы имъ, ей-ей!
Давай намъ остроуміе,
Но трогать насъ не смѣй!
Чѣмъ хуже я профессора,
Художника, врача?
Коллежскаго ассесора
Трудами получа,
Я никому не здравствую.

Не безъизвѣстно вамъ,
Что я давно участвую
Въ литературѣ самъ;
Но никогда рѣшительно
(И Богъ храни впередъ)
Не нападалъ презрительно
И на простой народъ!
Безъ вздоровъ сатирическихъ
Идетъ лишь Полевой
Въ піесахъ драматическихъ
Дорогою прямой.
Въ насъ страсти благородныя
Умѣетъ возбуждать,
И лица взявъ почетныя,
Умѣетъ уважать;
Всѣмъ похвалы горячія,
Почтенье... а писцы
И мелкіе подъячіе
Глупцы и подлецы,
Съ уродливыми рожами...
И тутъ ошибки нѣтъ
(Не все же вѣдь хорошими
Людьми наполненъ свѣтъ)...

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГАРАНСКАГО

(писано въ 1853 году)

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА ГАРАНСКАГО

(Переводъ съ французскаго: Trois mois dans la patrie. Essais de poésie et de prose, suivis d'un discours sur les moyens de parvenir au développement des forces morales de la nation Russe et des richesses naturelles de cet Etat. Par un Russe, comte de Garansky. 8 vol. in 4°. Paris 1836).

—

Я путешествовалъ недурно: русскій край
Оригинальности имѣетъ отпечатокъ;
Не то чтобъ въ деревняхъ трактиры были — рай,
Не то чтобъ въ городахъ писцы не брали взятокъ —
Природа нравится громадностью своей.
Такой громадности не встрѣтите нигдѣ вы:
Пространства широко раскинутыхъ степей
Лугами здѣсь зовутъ; начнутся-ли посѣвы —
Не ждите имъ конца! подобно островамъ
Зеленые лѣса и сѣрыя селенья
Пестрятъ равнину ихъ, и любо видѣть вамъ
Картину сельскаго обычнаго движенья...
Подобно муравью, трудолюбивъ мужикъ:
Ни грубости ихъ рукъ, ни лицамъ загорѣлымъ

Я больше не дивлюсь: я видѣть ихъ привыкъ
Въ работахъ полевыхъ чуть не по суткамъ цѣлымъ.
Не только мужики здѣсь преданы труду,
Но даже дѣти ихъ, беременныя бабы,
Всѣ терпятъ общую, по ихъ словамъ, «страду»,
И грустно видѣть, какъ иныя блѣдны, слабы!
Я думаю, земель избытокъ и лѣсовъ
Способствуетъ къ труду всегдашней ихъ охотѣ,
Но должно бъ вразумлять корыстныхъ мужиковъ,
Что изнурительно излишество въ работѣ.
Не такова ли цѣль — въ нѣмецкихъ сертукахъ
Особенныхъ фигуръ, бродящихъ между ними?
Нагайки у иныхъ замѣтилъ я въ рукахъ...
Какъ быть! не вразумишь ихъ средствами другими,
Натуры грубыя!...

Какія рѣки здѣсь!
Какіе здѣсь лѣса! Пейзажъ природы русской
Со временемъ собьетъ, я вамъ ручаюсь, спѣсь
Съ природы рейнской, но только не съ французской!
Во Франціи провелъ я молодость свою;
Предъ ней, какъ говорятъ въ стихахъ, все клонитъ выю,
Но все жь, по совѣсти и громко признаю,
Что я не ожидалъ найти такой Россію!
Природа не дурна: въ томъ отдаю ей честь, —
Я славно ѣлъ и спалъ, подъячимъ не далъ штрафа...

Да, средство странствовать и по Россіи есть —
Съ французской кухнею и съ русскимъ титломъ графа!...

Но только худо то, что каждый здѣсь мужикъ
Дворянскій гоноръ мой, спокойствіе и совѣсть
Безбожно возмущалъ; одну и ту же повѣсть
Бормочетъ каждому негодный ихъ языкъ:
Помѣщикъ — чудодѣй! а если управитель,
То вѣрно — живодёръ, отъявленный грабитель!
Спрошу ли ямщика: «чей, братецъ, видѣнъ домъ?»
— Помѣщика... «Что, добръ?» — Нешто, хорошій баринъ,
Да только... «Что, мой другъ?» — Съ тяжелымъ кулакомъ,
Какъ хватитъ — годъ хворай. «Неужто? вотъ татаринъ!»
— Э, нѣту, ничего! маненичко ретивъ,
А добрая душа, не тяготитъ оброкомъ,
Почасту съ мужикомъ и ласковъ, и правдивъ,
А то скулу свернетъ, вѣстимо ненарокомъ!
Куда бъ еще ни шло за бариномъ такимъ,
А то и хуже есть. Вотъ памятное мѣсто:
Тутъ славно мужички расправились съ однимъ...
«А что?». . . . .
. . . .
. . . .
Такихъ разсказовъ здѣсь такъ много я слыхалъ,
Что скучно наконецъ записывать ихъ въ книжку.
Ужель помѣщики въ Россіи таковы?

Я къ многимъ заѣзжалъ; иные точно грубы —
Мужъ *ты* своей женѣ, жена супругу *вы*,
Сивуха, черный хлѣбъ, овчинные тулупы.
Но есть премилые: прилично убранъ домъ,
У дочерей рояль, а чаще фортопьяно,
Хозяинъ съ Франціей и съ Англіей знакомъ,
Хозяйка не заснетъ безъ моднаго романа;
Ну все, какъ водится у развитыхъ людей,
Которые глядятъ прилично на предметы
И врядъ ли мужиковъ трактуютъ, какъ свиней...

Я также наблюдалъ — въ окно моей кареты —
И бытъ крестьянина: онъ нищеты далекъ!
По собственнымъ моимъ владѣньямъ проѣзжая,
Созвалъ я мужиковъ: составили кружокъ
И гаркнули: «ура»!... Съ балкона наблюдая,
Спросилъ: довольны ли?... кричатъ: «довольны всѣмъ»!
— И управляющимъ? — «Довольны»... О работахъ
Я съ ними говорилъ, поилъ ихъ — и за тѣмъ,
Бекаса подстрѣливъ въ наслѣдственныхъ болотахъ,
Поѣхалъ далѣе... Я мало-съ ними былъ,
Но видѣлъ, что мужикъ свободно ѣлъ и пилъ,
Плясалъ и пѣсни пѣлъ; а нѣмецъ-управитель
Казался между нихъ отецъ и покровитель...

Чего же имъ еще?... А если точно есть

Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забывъ гуманность, долгъ и честь,
Пятнаютъ родину и русское дворянство —
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бичь?...
Я книги русскія перебиралъ все лѣто:
Пустѣйшая мораль, напыщенная дичь —
И лучшія темы, какъ стертая монета!
Жаль, дремлетъ русскій умъ. А то чего бъ вѣрнѣй?
Правительство казнитъ открытаго злодѣя,
Сатира дѣйствуетъ и шире, и смѣлѣй,
Какъ пуля находитъ виновнаго умѣя.
Сатирѣ ужь не разъ обязана была
Европа (кажется, отчасти и Россія)
Услугой важною. . . . .

НОВЫЙ ГОДЪ

Что̀ новый годъ, то новыхъ думъ,
Желаній и надеждъ
Исполненъ легковѣрный умъ
И мудрыхъ, и невѣждъ.
Лишь тотъ, кто подъ землей сокрытъ
Надежды въ сердцѣ не таитъ!...

Давно ли ликовалъ народъ
И радовался міръ,
Когда рождался прошлый годъ
При звукахъ чашъ и лиръ?
И чье суровое чело
Лучемъ надежды не цвѣло?

Но меньше ль видѣлъ онъ могилъ,
Вражды и нищеты?
Въ немъ каждый день убійцей былъ
Какой нибудь мечты;

Не пощадилъ онъ никого,
И не далъ людямъ ничего!

При звукахъ тѣхъ же чашъ и лиръ,
Обычной чередой
Безстрастный гость вступаетъ въ міръ
Безстрастною стопой —
И въ тѣхъ лишь нѣтъ надежды вновь,
Въ комъ навсегда застыла кровь!

И благо!... Съ чашами въ рукахъ
Да будетъ встрѣченъ гость,
Да разлетится горе въ прахъ,
Да умирится злость —
И въ обновленныя сердца
Да снидетъ радость безъ конца!

Насъ давитъ времени рука,
Насъ изнуряетъ трудъ,
Всесиленъ случай, жизнь хрупка,
Живемъ мы для минутъ,
И то, что съ жизни взято разъ,
Не въ силахъ рокъ отнять у насъ!

Пускай кипитъ веселый рой
Мечтаній молодыхъ —

Имъ предадимся всей душой...
А время скоситъ ихъ? —
Что нужды! Снова въ свой чередъ
Въ насъ воскреситъ ихъ новый годъ...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ

(подражаніе Лермонтову)

Спи, пострѣлъ, пока безвредный!
    Баюшки-баю.
Тускло смотритъ мѣсяцъ мѣдный
    Въ колыбель твою.
Стану сказывать не сказки —
    Правду пропою;
Ты жь дремли, закрывши глазки,
    Баюшки-баю.

По губерніи раздался
    Всѣмъ отрадный кликъ:
Твой отецъ подъ судъ попался —
    Явныхъ тьма уликъ.
Но отецъ твой — плутъ извѣстный —
    Знаетъ роль свою.
Спи, пострѣлъ, покуда честный!
    Баюшки-баю.

Подростешь — и міръ крещеный
Скоро самъ поймешь,
Купишь фракъ темнозеленый
И перо возьмешь.
Скажешь: «я благонамѣренъ,
За добро стою!»
Спи — твой путь грядущій вѣренъ!
Баюшки-баю.

Будешь ты чиновникъ съ виду
И подлецъ душой,
Провожать тебя я выду —
И махну рукой!
Въ день привыкнешь ты картинно
Спину гнуть свою...
Спи, пострѣлъ, пока невинной!
Баюшки-баю.

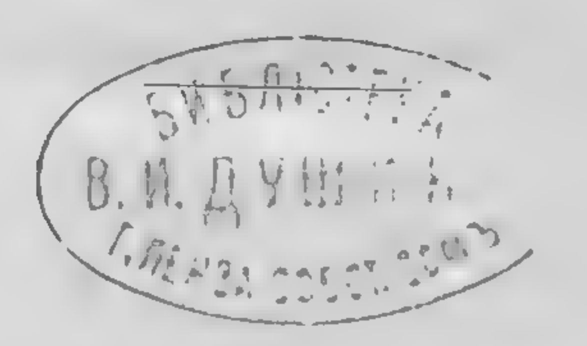
Тихъ и кротокъ какъ овечка
И крѣпонекъ лбомъ,
До хорошаго мѣстечка
Доползешь ужомъ —
И охулки не положишь
На руку свою.
Спи, покуда красть не можешь!
Баюшки-баю.

Купишь домъ многоэтажный,
Схватишь крупный чинъ
И вдругъ станешь баринъ важный,
Русскій дворянинъ.
Заживешь и мирно, ясно
Кончишь жизнь свою...
Спи, чиновникъ мой прекрасной!
Баюшки-баю.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ «ГОВОРУНУ»

—

(1) Въ этой пьесѣ дѣло на половину идетъ о мелочахъ, занимавшихъ тогдашнюю петербургскую публику, а теперь потерявшихъ всякій интересъ и смыслъ. Я попробовалъ было ихъ выкинуть — пьеса лишилась связи, пришлось ихъ оставить. Повторяю, я печатаю эти вирши не потому, чтобъ видѣлъ въ нихъ какое нибудь достоинство, а чтобъ отбить охоту у гг. библіографовъ копаться въ моихъ юношескихъ упражненіяхъ, послѣ моей смерти.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

1842—45 годовъ

Стран.

Стихотвореній, посвященныхъ
русскимъ —— дѣтямъ:
1/ Дѣдушка Мазай и зайцы
2/ Соловьи.

45к

10 15 2–50
3.–30

